

р 38

рп

114062

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

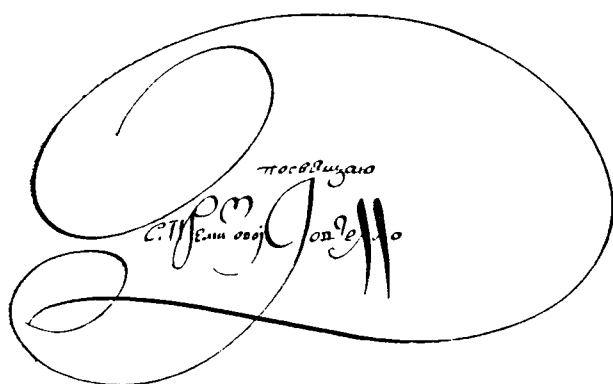
НИКОЛА
ПРИТЧИН

— М С М Х V П —

НИКОЛИНЫ

ПРИТЧИ

ТИПОГРАФИЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ
:: :: ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ :: ::
Петроградъ В. О. Тучкова набер. 2.

— А що буде, якъ Богъ помре?

А Микола Святый на що?

У всякой бабы свой сказъ про Николу.

Никола Угодникъ.

I.

Чудна нѣкая вещь, явился Николѣ верхомъ на конѣ съ серпами въ рукахъ ангелъ Господень.
-- Время жатвы пришло, пробудись, стань и иди на свою землю.

Въ страхѣ проснулся Никола, поклонился гробу Господню, гдѣ неустанно молился за родъ христіанскій, и, по морю ходящій яко по суху, отошелъ на Русскую землю.

Не узналъ Никола свою Русскую землю. Вырублена, выжжена, развоевана, стоитъ она пуста-пустехонька, и лишь вѣтры вѣютъ по глухимъ степямъ, и не найти на ней правды.

Уязвился сердцемъ Святитель, поднялъ посохъ и, скорый на помощь, пошелъ по Руси изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, съ Волги-рѣки на Москварѣку, съ Днѣпра на Поморье, заушалъ нечестивцевъ-аріевъ — беззаконныхъ правителей, забывшихъ слово Божіе, каралъ лежебокъ-тунеядцевъ и расточителей, не радѣющихъ о своей родинѣ, освобождалъ невинно-заключенныхъ въ темницы, останавливалъ мечъ, занесенный надъ головою напрасно осужденныхъ на казнь, воскресилъ

двухъ разрубленныхъ отроковъ, одарилъ нищихъ-дѣтей погремушками, обошелъ полевая межи, вывелъ къ солнцу буйное жито, поправилъ яровые зеленые всходы, покрылъ травой обогрѣтую землю. И, гдѣ вымокло, тамъ подсушилъ, и гдѣ высохло, тамъ дождемъ полилъ. Надоѣло конямъ стоять во дворѣ — выгналъ въ полѣ, въ ночное, — города городьбу!

А осень настала, загналъ Угодникъ съ поля коней и ношелъ подъ дождемъ по труднымъ дорогамъ: тамъ телѣга увязнетъ, тамъ лошадь не вытащишь: на все надо помощь.

Безъ него, какъ безъ рукъ, — не поднять мужику полевая работы. Все, что сирѣ и слѣпо, одному ему видно. Попроси, — выручить, все скажетъ Спасу, самого Илью умиловитъ: не поляжетъ отъ града рожь на земь — живи, не тужи!

Въ лапоткахъ, сѣденькій, съ посохомъ и ходилъ такъ Угодникъ Божій по Русской землѣ съ вѣшняго Николы, всю весну, лѣто и осень до самой Никольщины.

Отстоялъ Никола вечерню у Печерской въ Кіевѣ, второй звонъ звонять — пришелъ къ Софіи въ Новгородъ, третій звонъ звонять — идетъ въ Питеръ къ Казанской, а къ великому славословію въ Успенскій на Москву поспѣлъ.

И, поднявъ со всѣхъ вѣтровъ густой большой иней, серебромъ покрылъ онъ отъ края до края всю Русскую землю и благословилъ ее — свою горькую, свою голодную, свою безшабашную, свою пьяную, чтобы сумѣла она мудро устроиться, не грѣшила бъ ротозѣйствомъ, самомятніемъ, глупостью, не выставляла бъ себя на посмѣшище, не попрекали бъ ее въ лѣности.

И, трижды благословивъ ее великимъ благословеніемъ, пошелъ помаленьку вверхъ по облакамъ на небеса къ райскимъ вратамъ справлять Никольщину.

II.

Передъ вратами рая, подъ райскимъ деревомъ, за золотымъ столомъ сидѣли угодники Божіи.

Всѣ святые собрались на Никольщину.

Петръ-полукормъ, Афанасій-ломонось, Тимоѳей-полужимникъ, Аксиныя-полухлѣбница, Власій-сшиби-рогъ-съ-зимы, Василій-капельникъ, Евдокія-плюшниха и Герасимъ-грачевникъ, Алексѣй-съ-горъ-вода, Дарья-загрязни-про-руби, Ѳедуль-губы-надуль, Родіонъ-ледоломъ, Руфа-земля-рухнетъ, Антипъ-водополь, Василій-выверни-оглобли и Егоръ-скотопасъ, Степанъ-ранопашецъ, Ярема-запрягальникъ, Борисъ и Глѣбъ—барышъ-хлѣбъ, Ирина-разсадница, Іовъ-горошникъ, Мокій-мокрый и Лукерья-комарница, Сидоръ-сивирянь и Алена-Льносѣйка, Леонтій-огуречникъ, Ѳедосья-колосяница, Еремей-распрягальникъ, Петръ-поворотъ, Акулина-гречушница—задери-хвосты, Иванъ-купаль, Аграфена-купальница, Пудъ и Трифонъ—безсонники, Пантелеймонъ-паликопъ, Евдокія-малинуха, Наталья-овсяница, Анна-скирдница и Семень-лѣтопроводецъ, Никита-рѣпорѣзь, Ѳекла-заревница, Пятница-Праскева, Кузьма-Демьянь съ гвоздемъ и Матрена-зимняя, Ѳедоръ-студитъ, Спиридонъ-поворотъ, три отрока, сорокъ мучениковъ, Иванъ Поститель, Илья Пророкъ, Михайло Архангелъ, да милостивая жена Аллилуева милосердая.

Одного только не было—самого Николы Угодника.

И не разъ посылалъ Илья отроковицу Милостыню, и возвращалась отроковица одна.

Въ девятомъ часу явился Никола.

Въ лапоткахъ, сѣденькій, съ своимъ посохомъ пришелъ Никола къ райскимъ вратамъ, — райское платье его поиздергалось, заплатка на заплаткѣ, дырявое.

— Что, Никола, что запоздалъ такъ?—спросилъ Илья,—или и для праздника переправляешь души чловѣческія съ земли въ рай?

— Все съ своими мучился,—отвѣчалъ Никола, присаживаясь къ святымъ за веселый золотой столъ,—пропащій народъ: воръ на воръ, разбойникъ на разбойникъ, грабятъ, жгутъ, убиваютъ, братъ на брата, сынъ на отца, отецъ на сына! Да и всѣ хороши, другъ дружку поѣдомъ ѣдятъ.

— Я нашлаю громъ-молнію, попалю, выжгу землю!—воскликнулъ громовный Илья.

— Я росы имъ не дамъ!—поднялся Егорій.

— А я моръ пушу, чуму, изомрутъ, какъ псы!—крикнулъ Касьянъ; извѣстно, Касьянъ вгорячахъ Златоусту усы спалилъ.

— Смерть на нихъ!—сталъ Михайло Архангелъ съ мечомъ.

— Велѣлъ мнѣ ангелъ Господень истребить весь рускій народъ, да простилъ я имъ,—отвѣчалъ нашъ Никола Милостивый,—болно ужъ мучаются.

И, возставъ, поднялъ чашу во славу Бога Христа, создавшаго небо и землю, море и рѣки, и китовъ, и всѣхъ птицъ, и чловѣка по образу своему и по подобію.

И вдругъ выпала чаша изъ рукъ.

Упала чаша на столъ,—не разбилась, а, какъ была, осталась съ краями полна.

Притихнули угодники, всѣ святые, весь райскій пиръ.

III.

Спитъ Угодникъ, закрыты глаза.

Разъ окликнулъ Илья,—не слышитъ Никола, и въ другой окликнулъ,—не просыпается. Кричитъ Илья въ третій разъ—и поднялъ Никола голову.

Стали тутъ святыя пытатъ у Николы, сталъ Угодникъ святымъ разсказывать:

— Пустился по Студеному морю съ хлѣбомъ купеческій корабль, плыли на томъ кораблѣ триста старцевъ соловецкихъ, везли старцы воскъ и медъ, спѣшили на Николыщину въ Миры Ликійскія. И застигла буря корабль. Ударили волны—вспелешилось море. Шипѣло. Бурная, надъ вѣтромъ и волнами, угрожала Велеша, требовала жертвы, и, скача на бѣломъ хрустальноногомъ конѣ, рѣзала море, разрывала когтями корабль. Въ твердой вѣрѣ и крѣпко надѣясь, въ голосъ крикнули старцы: Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы Ты ни былъ, явись къ намъ! Тогда нашла на меня Божья воля, подняло меня святымъ Духомъ, я пошелъ къ нимъ на море и избавилъ ихъ изъ глубины морской. Велеша угомонилась. И спокойно плывутъ корабли. Вотъ почему задремалъ я, и выронилъ чашу.

— Помилуй насъ, Боже и святой Никола, гдѣ бы Ты ни былъ, явись къ намъ! —воскликнули святыя.

Пили святыя питіе новое райское, ѣли высокій пирогъ съ кашей, съ горохомъ, съ капустою.

И пировалъ съ ними Никола, сильный Богомъ, всѣмъ святымъ помощникъ —рѣдкій ихъ гость, нищелюбецъ, страннопріимецъ, вѣчный странникъ, вѣчный труженикъ, чудотворецъ, заступникъ за Русскую землю.

Помилуй насъ, Боже и святой Никола,
гдѣ бы Ты ни былъ, явись къ намъ!

Николинъ завѣтъ.

За Онегой—гремучимъ моремъ жилъ одинъ богатый мужикъ сильный, да своихъ нетрогалъ и отъ народа честь ему шла, Филиппомъ звали. Была у него семья большая—и всѣхъ сыновей на войну погнали воевать, и остался онъ со старухой, да невѣстки съ ними.

И случилось на Николу, лежитъ Филиппъ ночью, раздумываетъ—и праздникъ пришелъ, престолъ въ ихъ селѣ, а отъ сыновей ни слуху!—и стало ему смутно, не до сна, и жалко. И слышитъ—среди ночи звонъ. Прислушался—или вѣтеръ?—нѣтъ, звонили въ колоколъ. Всталъ Филиппъ и пошелъ изъ двора, разбудилъ стариковъ.

— Слышали,—говорить,—что?

— Да,—говорятъ,—въ колоколъ ударили.

Пошли въ церковь. А ночь была крѣпкая, да такая свѣтлая—звѣзды, какъ птицы,плыли изъ конца въ конецъ, бѣлая надъ бѣлой землей. Подошли къ колокольні, смотрятъ—на колокольні нѣтъ никого, а звонить... разъ пять ударило въ колоколъ.

Вызвался Филиппъ, дай самому развѣдать. Поднялся на колокольную и видитъ—стоитъ подъ колоколомъ старикъ, такъ нищій старикъ, ни руками, ни ногами не двигнетъ, а колоколъ звонить.

— Ты кто?—спрашиваетъ нищій старикъ.

— Я Филиппъ съ Николиной тропы, а ты кто?

А старикъ только смотритъ, да добро такъ, милостиво:
„Филиппушко, молю, аль не признаешь?“

У Филиппа духъ захватило, сложилъ Филиппъ руки крестомъ.

— Прости, говоритъ,—ты меня, Никола угодникъ Божій... и зачѣмъ ты звонишь ночью?

А звоню я,—говоритъ угодникъ, да сталъ такой грозный,—я звоню, потому что крещеные грѣшатъ, часа не помнятъ, землю свою забываютъ. За землю всякому пострадать надо. А имъ бы только чаю, кофею попить. Ступай и скажи, пусть всѣ знаютъ, а не то я на нихъ наказаніе пошлю.

— Не повѣрятъ, коли словами скажу,—сказалъ Филиппъ, онъ стоялъ передъ угодникомъ, руки крестомъ сложены.

— Повѣрятъ!—сказалъ угодникъ Божій и благословилъ милостивый Никола итти Филиппу къ народу по землѣ родимой, — за землю всякому пострадать надо.

Филиппъ хотѣлъ протянуть руку, а рукъ не разжать.

Крестомъ сложены руки,—такъ сошелъ съ колокольни и разсказалъ, что видѣлъ и слышалъ и что съ нимъ стало: крестомъ сложены руки.

А на утро по обѣднѣ Филиппъ простился съ домомъ, со старухой. Всѣмъ міромъ проводили Филиппа. И пошелъ онъ изъ родного погоста мимо избъ осиротѣлыхъ по дальнимъ широкимъ страднымъ дорогамъ, укрѣпляя народную думу, силу и вѣру—пострадать за родимую землю.

Николинъ даръ.

Жилъ одинъ бѣднякъ, Иваномъ звали, не велико у него было хозяйство, земли немного, и жизнь нелегкая, одинъ, какъ перстъ, безъ семьи остался, да не возропталъ, принялъ Божье, и все, бывало, пѣсни поетъ, такой ужъ.

Разъ пашетъ Иванъ поле, пшеницу сѣетъ. Разсѣялъ, пашетъ, за собой борону возить, самъ пѣсни поетъ, и уперся концомъ въ дорогу. А по дорогѣ два путника: сѣденькій одинъ съ посохомъ, другой не старъ, не младъ, грозный.

Илья говоритъ Николѣ:

— Что это, Никола, человѣкъ-то больно веселый, поетъ?

— Да, видно, кони у него, слава Богу, ходятъ, нужды не знаетъ, вотъ и поетъ.

Поровнялись путники.

— Богъ помощь тебѣ, Иванушка!—сказалъ Никола.

— Добро пожаловать, старички любезные!—снялъ Иванъ шапку.

А Илья и говоритъ:

— Что больно веселъ?

— Что мнѣ не веселиться! Лошадки ходятъ ничего, а мнѣ больше ничего и не надо, только бы батюшка Никола угодникъ пшенички зародилъ.

Пошли странники своей дорогой. Шли, святые, по полямъ, по раздолью весеннему.

Говорить Илья Николѣ:

Что этотъ сказалъ? Развѣ пшеницу ты родишь? Вѣдь, не ты? Эту я премудрость творю.

Какъ его судить, заступился Никола, — человѣкъ простой, гдѣ ему знать про такое!

Ну, ладно-жъ, я ему урожу пшеницу, по колѣна будетъ, и градомъ прибью!

И уродилъ грозный Илья великій такую пшеницу: посмотришь, душа не нарадуется.

„Вотъ урожай! Вотъ Богъ счастье послалъ, Никола угодникъ помиловалъ, хлѣба-то будетъ, дѣвать некуда“.

Вечеромъ вышелъ Иванъ, сталъ за околицей, пѣсни поеть. И видитъ: по вечернему полю идетъ старичекъ сѣденый съ посохомъ.

Добро жаловать, дѣдушка.

Жаль Николѣ бѣднягу: все, вѣдь, прахомъ пойдетъ.

Слушай, Иванушка,—ты пшеницу продай!

Какъ же такъ,—оторопѣлъ Иванъ, такую хорошую! Да и что за такую просить?

Проси, сколько хочешь, все дадутъ. Смотри же, продай!—и пошелъ.

Иванъ послушалъ и продалъ пшеницу: сладилъ ее богатый сосѣдъ за сто рублей.

И не кончился день, какъ возмыло тучу большую, какъ ударить, съ громомъ прошла гроза, градомъ побило пшеницу—какъ ножомъ, весь хлѣбъ срѣзало.

По разоренному полю идетъ Никола, а навстрѣчу Илья.

Посмотри, что я сказалъ, то и сдѣлалъ, вотъ оно, поле Иваново!

Нѣтъ, не Иваново, сказалъ Никола,--пшеницу онъ продалъ, это поле Гундяево. Праваго ты разорилъ, то-то, чай, плачешь.

— Ну, такъ поправлю я ниву,—поправилъ Илья,— онъ отъ этой громобойной пшеницы двадцать сотъ нажнетъ съ десятины.

Къ ночи приходитъ Никола подъ окно къ Ивану: жалко ему бѣднягу, не къ рукамъ добро достанется.

А Иванъ Угоднику молится, что того старичка надоумилъ такой совѣтъ подать. И какъ увидѣлъ, обрадовался, просить на ночлегъ остаться.

Нѣтъ, Николѣ не время,—путь ему дальній.

— Купи назадъ пшеницу-то.

— Да, вѣдь, она, дѣдушка, больно побита.

— Ничего, купи. Скажи, что на кормъ скосить годится. Въ убытокъ не будешь.

Поблагодарилъ Иванъ старичка и чуть свѣтъ къ сосѣду откупать назадъ пшеницу. А тотъ, несчастный, радъ-радехонекъ,—бери хоть даромъ!--да за полцѣны и отдалъ. Отдалъ и прогадалъ, несчастный.

Откуда что взялось, пшеница пошла и пошла, и такой уродился хлѣбъ высокій, да частый, а колось полный, такъ и гнется, такъ къ землѣ и гнется золотая нива, благодать!

И въ страду много Иванъ нажалъ сноповъ и выжалъ всю, двадцать сотъ нажалъ.

Въ полѣ встрѣтилъ Никола Илью: грозный, весело смотреть.

— Вотъ у кого я градомъ убилъ, тому и уродилъ, онъ ее и выжалъ совсѣмъ.

— Да, тотъ; кто посѣялъ, тотъ и пожалъ! Вѣдь, пшеницу-то Иванъ назадъ купилъ.

— Какъ такъ купилъ...

— Такъ и купилъ!—и рассказалъ Ильѣ Никола, какъ богатый сосѣдъ Гундяевъ въ несчастѣ за полцѣны Ивану громобойное поле отдалъ.

— Такъ я жъ ему умоту не дамъ!

И пошелъ гроза!—какъ гроза.

Не оставилъ Никола бѣднягу, въ ночи пришелъ подъ окно. Куда сонъ,—не знаетъ Иванъ, какъ отблагодарить гостя.

— Молотить будешь, — училъ старичокъ, сади на овинъ, да не помногу, по пяти сноповъ: въ углы по снопу поставь, пятымъ окошко заткни.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Долго Иванъ молотилъ и все обмолотилъ: со снопа по пудовкѣ сошло.

Со снопа по пудовкѣ!—Да такого умоту съ роду не бывало.

По закромамъ, по клѣтямъ, по набитымъ амбарамъ дознался Илья и не дай Богъ!—еще слава Богу, что Никольщина близко.

— Ладно, повезетъ на мельницу, я ему примолу не дамъ!

И не далъ. Повезъ Иванъ на мельницу три пудовки молотъ, смолоть, а осталось двѣ. Куда третья? А не знаетъ, что Илья взялъ.

Раздумывалъ бѣдняга и придумать ничего не могъ.

Въ ночи старичокъ постучалъ подъ окномъ. Обрадовался Иванъ и все ему рассказалъ про напасть.

— Вотъ что, Иванушка, испеки ты изъ этой муки пшеничной два пирога, да съ молитвой посади. И ступай съ ними къ обѣднѣ: одинъ положи себѣ на голову—то Ильѣ великому, а другой подъ правую пазуху то Николѣ угоднику.

Вотъ на Николу, раннимъ утромъ, когда еще звѣзды не всѣ погаснули, вышелъ Иванъ по морозцу въ церковь

къ обѣднѣ. По дорогѣ странникъ ему навстрѣчу не старъ, не младъ, грозный.

Куда пирожки-то несешь?

На головѣ батюшкѣ Ильѣ великому, а подъ правой пазухой Николѣ угоднику!—сказалъ Иванъ.

И какъ услышалъ Илья отвѣтъ мудрый, умирися и пересталъ грозить.

И съ той поры зажилъ Иванъ безъ опаски, двѣ пудовки весь годъ бралъ и не убывало Николинъ даръ милостивый.

Николѣна сумка.

I.

Шель солдатъ съ войны домой. Дошелъ до часовни, вспомнилъ, -- завѣщана у него была Николѣ свѣчка, поставилъ свѣчку, и денегъ у него ужъ ни копѣйки.

Идетъ перелѣскомъ, ѣсть захотѣлось сильно, а жилья близъ нѣту. И такъ ему горько: изойдетъ онъ голодомъ, не дойти и до дому на свою землю.

И вдругъ ѣдетъ конь вороной, на конѣ дѣтина, ѣсть пирогъ съ яйцами и говядиной—пирогъ теплый, только парокъ идетъ. Поровнялись.

Дай пирожка закусить!—просить солдатъ.

Давай три копѣйки, половину отломлю.

- Денегъ у меня нѣтъ, а солдату не грѣхъ и такъ дать.

А тотъ дернулъ лошадь и поѣхалъ, самъ подѣдаетъ пирогъ вкусно.

И пошелъ солдатъ ни съ чѣмъ, гдѣ грибокъ сломаетъ, гдѣ корочку сдеретъ, сочку поскоблить руками. Такъ и шелъ и вышелъ на дорогу, а отъ сырья все нутро переворачиваетъ.

„Экій безсовѣстный, не далъ мнѣ пирога!“ -- пенялъ солдатъ.

И такъ ему горько, вотъ упадетъ, не дойти и до дому на свою землю.

И видитъ, изъ-за кривуля идетъ старичокъ. Поровнялись. Поклонился солдатъ старику и старикъ солдату. И разошлись.

Доходитъ солдатъ до кривуля, лежитъ сумочка. Поднялъ сумку:

„Видно, старичокъ иотерялъ!“—да съ сумкой назадъ.

Сумку потерялъ! кричить,—сумку потерялъ!

А ужъ старичка не видно нигдѣ.

Ну, не бросать же добро, и взялъ себѣ солдатъ сумку.

Идетъ солдатъ дорогою, въ нутрѣ сверлить, ѣсть хочется.

„Что-то въ сумкѣ, дай посмотрю, не хлѣбъ ли?“.

Развязалъ сумку хлѣба два куска лежать. Вынулъ хлѣбъ, позаправился.

„Кваску-бы испить!“.

Пошарилъ въ сумкѣ бутылка. Вынулъ бутылку—квасъ. Вотъ такъ сумка! Попилъ кваску всласть и весело пошелъ: теперь-то дойдетъ на свою землю.

II.

Доходитъ солдатъ до усадьбы. Поставленъ новый домъ—большое зданіе, а рамы всѣ переломаны, на крышѣ воронье.

„Какое зданіе, и пустоеть!“ заглядѣлся солдатъ и въ толкъ не возьметъ.

Постоялъ и пошелъ. Навстрѣчу староста.

— Чей это домъ, дѣдушка?

— Нашего барина домъ.

— Что же въ немъ не живутъ?

— А работали мастера съ бариномъ, самъ баринъ старался, и ни вѣсть съ чего полонъ домъ насажали чертей, оттого и не живутъ.

А что бы ихъ оттуда проводить изъ дома?

— Возьмешься, баринъ спасибо скажетъ.

!Попробую. И не такое гоняли!

Староста побѣждалъ къ барину.

— Берется солдатъ вывести чертей изъ дому.

— Слава Богу, коли берется! Возьми его къ себѣ и, что ему нужно, то и дай.

Вернулся староста отъ барина и повелъ къ себѣ солдата.

Сѣли обѣдать. И до самаго вечера все сидѣли, рассказывалъ староста о домѣ да о чертяхъ домашнихъ.

Надо солдату итти въ домъ чертей выгонять. А староста и проводить отказывается.

— У насъ,—говорить,—о эту пору не то, что къ дому, а и около никто не ходитъ. Игнашка, внученокъ, взялся воронье спугнуть: подставилъ лѣстницу, а они его оттуда какъ шуркнутъ, что душа вонъ. Игнашка и до сей поры у чертей тамъ.

Ну, что подѣлаешь! Наказалъ солдатъ старостѣ, чтобы какъ можно горячѣе кузнецы грѣли горна, а самъ взялъ солому, ключи и для случая топоръ, зажегъ фонарикъ и пошелъ одинъ.

И въ домѣ тамъ отперъ дверь и поднялся по лѣстницѣ.

III.

Ходитъ солдатъ по комнатамъ и все поахиваетъ.

— Проклятая сила, какое зданіе завладѣла!

Вошелъ въ самую заднюю комнату, затворилъ за собою плотно двери, разостлалъ солому, окрестился, сумочку подъ голову, легъ и задремалъ.

И слышитъ, по дому пошелъ шумъ, стонъ.

Вотъ какой-то побѣждалъ къ дверямъ, кричить:

„Ребята,—кричитъ, —это кто-то есть“.

И набѣжало много, скребутся.

„Ой,—запищаль одинъ,—солдатишко!“

„Не солдатишко, а солдатъ, Иванъ Силантьевичъ Тарасовъ,—прикрикнулъ солдатъ, —воеваль за Россію, слышите, черти! Убирайтесь вонъ, пока цѣлы!“

Отвалились отъ двери и въ домѣ все затихло.

И снится солдату, какъ бы держитъ онъ бутылку и наливаетъ стаканъ вина и только сказать „Господи благослови“ и пить, хватъ, а вмѣсто стакана топоръ у него въ рукахъ. И идетъ, въ которомъ полку онъ служилъ, генераль и съ нимъ мать и отецъ его, старики.

„Ты, Тарасовъ, что-жъ это сбѣжалъ?“

Мать и отецъ просятъ:

„Ступай, Ванюшка, послужи!“

„Нѣтъ, ему не жаль васъ, говоритъ генераль,—эй, вздуйте ихъ хорошенько!“

И откуда ни взялись три кривыхъ бѣсенка и ну ломать и рвать стариковъ.

Заплакали старые и опять просятъ:

„Вернись!“

„Да у меня руки нѣтъ и грудь прострѣлена!“—отвѣчаетъ солдатъ и глазамъ не вѣритъ: рука на мѣстѣ и дышать легко.

А тѣ разсмѣялись и побѣжали прочь.

Солдатъ раскрылъ глаза: своды у дома раздвинулись и, какъ паукъ, спускается на него тотъ самый дѣтина, что пирога ему не далъ, спускается паукомъ, путаетъ и ужъ дышать стало трудно. И пало въ умъ солдату, сгребъ онъ сумку, да паука и толкнулъ.

Паукъ обернулся кошкой. Онъ ее за хвостъ, да въ сумку. И съ сумкой бѣжать.

Прибѣжалъ солдатъ въ кузницу, положилъ сумку на наковальню. А въ горнѣ до того горить, что страсть. Да какъ лопнулъ, кувалда вылетѣла. Схватилъ другую.

Аминь,—говорить, и давай шлеять: что кокнетъ, то аминь.

Исколотилъ всего чорта, вышелъ изъ кузницы, вытряхнулъ изъ сумки пепелокъ одинъ только.

— Ну, теперь можешь итти, кузнецъ, спать и я пойду.

И вернулся въ домъ въ самую заднюю комнату и на тѣ же три обмотка легъ и спалъ до утра, ничего не слышалъ.

На утро пришелъ солдатъ къ старостѣ.

— Ступай-ка, дѣдушка, смотри-ка, въ домѣ все изломано.

Мы это знаемъ ужъ.

— Скажи барину, что чертей я выгналъ.

Обрадовался баринъ и сейчасъ же съ солдатомъ въ домъ, прошли по всѣмъ комнатамъ, нашли костье Игнашкино, а чертей и въ поминѣ нѣтъ — всѣ ушли.

На радостяхъ не хочетъ баринъ отпускать солдата.

Сколько хочешь, бери, оставайся!

А солдату домой хочется, къ старикамъ, на родную землю.

Даль ему баринъ денегъ, зяпругъ тройку, и поѣхалъ солдатъ домой на тройкѣ. И тамъ живетъ хорошо, слава Богу.

Николинъ огонь.

одилъ но Божьему свѣту Никола Угодникъ. Много прошелъ, весь свѣтъ исходилъ и осталось всего ничего — три деревни. Зашелъ онъ въ первую деревушку. Окружило ребятъе.

Тальянецъ, кричать пришелъ, на шарманкѣ заиграетъ.

Выскочили мужики и бабы, обступили.

Эй, старичокъ, гдѣ у тебя машина: камаринскаго намъ бы сыгралъ, а мы бъ поплясали! ржутъ, что же-ребцы стоялые.

Обидно стало Угоднику, и пошелъ онъ въ другую деревню. А тамъ не слаще: никуда его не пускаютъ. А ужъ на дворѣ вечеръ.

Въ одной избѣ боятся,—чертей напустить, въ другой—стянетъ, въ третьей цыганъ переодѣтый, а въ четвертой—мужикъ за колья принялся.

Идетъ Никола въ третью деревню.

Идетъ по деревнѣ, а на него пальцемъ.

А въ одномъ домѣ совсѣмъ было пустили.

Крестъ-то на тебѣ есть?

— Есть.

— А ну-ка, перекрестись.

Перекрестился.

— А прочитай „Да воскреснетъ Богъ“.

Прочиталъ.

А прочитай „Вѣрую“.

Прочиталь „Вѣрую“.

— А „изжени отъ меня всякаго лукаваго“ знаешь? Старичокъ-то и запомятоваль.

— Нѣтъ, говоритъ хозяинъ, вонъ уходи: „Вѣрую“ не рѣчисто читаль и „изжени“ совсѣмъ не знаешь. И не проси. Молитвы не твердо знаешь, я такихъ не люблю.

А на дворѣ ужъ ночь — глазъ выколешь. Вѣтеръ воетъ.

Забрелъ Угодникъ въ послѣднюю избу. Бобыль одинъ жилъ. Покормилъ старичка бобыль, принесъ соломки и шубу далъ. И легли спать.

Раннимъ ранешенько поднялся бобыль рожь молотить. Всталъ и Никола, помогать пошелъ бобылю за хлѣбъ, за соль. Махали, махали цѣпомъ, уморились.

Вотъ что, добрый человѣкъ, дѣлай-ка ты по-моему! — взялъ Никола спичку и поджегъ скирды.

Запылали скирды, горять — бѣлый огонь, — а не сгораютъ: соломинка къ соломинкѣ ложится, зернышко къ зернышку.

И черезъ какой часъ всѣ скирды сами обмолотились, — зерно чистое, крупное и вѣять не надо.

Распростился съ бобылемъ Угодникъ и отправился въ свою путь-дорожку.

А на завтра рассказалъ бобыль сосѣдямъ о своемъ гостѣ о старичкѣ чудномъ, какъ онъ хлѣбъ молотилъ.

Попробуемъ и мы этакъ помолотить! рѣшили мужики.

И подожгли скирды.

Запылали скирды, а отъ нихъ избы.

И отъ всей деревни остались одни столбы.

Николинъ умолотъ.

Тнѣвъ Ильинъ или такъ тому отъ Бога быть положено для опамятованія людямъ и разуму, большая была засуха и сгорѣла рожь и овсы.

Кто побогаче, возили воду и поливали, и у тѣхъ на нивѣ еще кое-что уцѣлѣло, а у бѣдняковъ ничего чисто поле.

Сидятъ мужики на кулишкахъ. о своей бѣдѣ гурторять.

А шелъ съ поля старичокъ-странникъ. Приостановился.

Что это вы, добрые люди, пригорюнились?

А видѣлъ, чай, на поляхъ-то что дѣется! Неоткуда намъ и помощи ждать.

Посмотрѣлъ старичокъ, головой покивалъ: пожалѣлъ видно.

— А давайте, дѣтушки, мнѣ ржи горстку! — сказалъ старикъ.

А тѣ и не знаютъ, зачѣмъ ему рожь? Ужъ не подшутить ли задумалъ надъ ними старикъ: народъ-то нынче всякій — и надъ чужой бѣдой посмѣяться радость себѣ найдетъ.

А другіе говорятъ:

Принесите ржи, можетъ, наговоръ какой сдѣлаетъ.

И согласились. Кликнули ребятъ. Полное лукошко принесли.

Взялъ себѣ старичокъ ржи горстку.

— Проведите, говоритъ,—меня ко всякому дому, мнѣ посмотрѣть надобно.

Пошли, повели старика.

И ни одну избу не обошелъ старикъ и вездѣ на загнеткахъ у запечья по зерну клалъ. А къ ночи ушелъ. Хватились покормить старика, а его ужъ нѣтъ нигдѣ.

Такъ и легли спать.

Такъ и прошла ночь.

А когда на утро проснулись и проснулась съ ними горькая дума,—что за чудеса! глазамъ не вѣрятъ: рожь во всѣ устья вырѣла и въ каждомъ домѣ, гдѣ положилъ старикъ зернышко, колосъ изъ трубы выглядываетъ и на божницахъ лампадки горятъ передъ Николою, а на поле посмотришь, залюбуешься,—колосъ къ колосу.

Богъ помиловалъ, уродилъ хлѣбъ. И умолоть былъ, не запомнятъ: по полтысячи мѣръ всякій набилъ. Поминали странника старичка, Николу Милостиваго.

Николина порука.

I.

Еа яромъ яру высоко жилъ - былъ богачъ Антипъ. Скупой и расчетливый, сколачивалъ Антипъ деньгу и даромъ, хотъ помирай, не дастъ, подъ работу не дастъ.

А былъ бѣднякъ Сергѣй, и до того дошелъ голодомъ, хотъ помирай. Вотъ думалъ онъ, думалъ, какъ изъ бѣды выкарабкаться, и говорить женѣ:

— Я, Марья, пойду къ Антипу.

— Глупый, да вѣдь онъ же такъ никому не даетъ.

— Дастъ. Я придумалъ.

И пошелъ.

Пошелъ Сергѣй къ богачу просить денегъ.

— Антипъ, батюшка! Не дай помереть съ голоду.

Нѣтъ, братъ, я денегъ никому не даю, никогда.

— А ежели я тебѣ приведу поруку?

— А кто такой?

Никола. Есть у меня, на божницѣ стоитъ образъ, Никола. Онъ за меня и будетъ порукой.

Антипъ погладилъ бороду, прямо-то отказать не смѣетъ: набожный былъ человѣкъ Антипъ, въ божественномъ твердый.

— Ты ужотко приходи вечеромъ, я подумаю.

— Хорошо, приду, — согласился Сергѣй.

И пошелъ.

Пошелъ Сергѣй домой: будутъ у нихъ ужотко деньги, поправятся, не помрутъ съ голоду.

Антипъ-то мнѣ поддался: велѣлъ притти вечеромъ!— думалъ Сергѣй жену обрадовать.

— Что же ты сказалъ ему?

— А поручился Николой.

— Ой, что ты надѣлалъ!

— Глупая, кому, кому, а ему все видно: Никола не выдастъ.

Вечеръ насталъ. Снялъ Сергѣй образъ съ божницы.

— Марья, одѣнься потеплѣе, да иди за мной, стань тамъ у избы подъ окномъ, и слушай, и когда услышишь: „Батюшка, Никола Чудотворецъ, скажу, поручись за меня!“, ты тамъ и отвѣчай толстымъ голосомъ, погромче, „поручаюсь“, молъ.

Закуталась Марья въ теплый платокъ, а сама дрожьма дрожить.

— Да ты не бойся! Кому, кому, а ему все видно: Никола не выдастъ.

И пошли.

Пошелъ Сергѣй съ образомъ, съ Николою за нимъ Марья.

II.

Темно было на улицѣ. Мело, крутила метель.

Осталась Марья стоять на улицѣ, Сергѣй съ образомъ къ Антипу въ домъ вошелъ.

До вашей милости.

— Ну, а поруку привелъ?

Сергѣй поставилъ образъ на божницу. Тутъ хозяйка Антипова вошла въ горницу. Помолился Сергѣй.

Батюшка Никола Чудотворецъ, поручись за меня!

Поднялся и Антипъ на ноги, глядитъ на икону: поручится ль Угодникъ?

Поручаюсь! — услышали голосъ, тихимъ голосомъ сказалъ тамъ кто-то, а внятно, всѣ его услышали: и Сергѣй, и Антипъ, и Антипова хозяйка.

Оробѣлъ Антипъ.

— Жена, слышала?

— Слышу.

А много ль тебѣ, Сергѣй, надо?

Много, оробѣлъ и Сергѣй: что-то не узналъ онъ Марьяна голоса, — много: сотню!

Дай ему двѣ, — сказала хозяйка Антипова.

Антипъ отперъ сундукъ и вынулъ двѣ сотенныхъ.

— Сроку время на сколько?

— До новаго года, — сказалъ Сергѣй.

И съ деньгами вышелъ на улицу.

Темно было на улицѣ. Мело, крутила метель.

— Пойдемъ домой, Маша! — тихимъ голосомъ сказать Сергѣй женѣ.

А Марья дрожьмя дрожить.

На другой же день накупили они всего себѣ — съ деньгами все можно достать — и сахару, и муки, и крупъ всякихъ, и дровъ купили, — то-то огонекъ въ печи заиграетъ весело! — и стали жить, да поживать.

III.

Прошло Рождество, подходитъ Новый годъ, надо долгъ платить, а платить нечѣмъ. Расчитывалъ Сергѣй, вотъ поправится, заработаетъ, — кое-что и выручилъ, да такую уйму гдѣ же достать: цѣлыхъ двѣ сотни!

И насталъ Новый годъ, не несетъ Сергѣй долгу.

Подождалъ Антипъ день, и еще день, досадно ему: какъ, вѣдь, повѣрилъ и такой обманъ вышелъ!

На третій день Антипъ взялъ образъ Николы и понесъ на базаръ. И весь день ходилъ по базару, и никто не купилъ образа. И досадовалъ Антипъ, пенялъ Николѣ:

„Какъ же такъ, лично говорилъ, ручался за бродягу, и такой обманъ!“.

И ужъ не надо ему никакихъ денегъ, только бы сердце успокоить: какъ, вѣдь, повѣрилъ и такой обманъ вышелъ!

Позднимъ вечеромъ идетъ Антипъ назадъ домой, несетъ икону, себя не помнитъ, а на-встрѣчу ему старичекъ.

Ты куда, сынокъ?

Продаю образъ, сказалъ Антипъ, какъ говорилъ весь день.

— А сколько возьмешь?

— Ничего мнѣ не надо.

Старичекъ взялъ икону, вынулъ двѣ сотенныхъ, подалъ Антипу.

Ну, иди съ Богомъ, сынокъ.

Пробирался Антипъ по рѣкѣ къ дому, совсѣмъ ужъ темно было, крѣпко держалъ въ кулакѣ деньги. Запорошило у берега, — тонкій ледъ, скользко, — поскользнулся Антипъ, присѣлъ, а подняться не можетъ. И такъ и сядь, не можетъ. И ну кричать. На крикъ сбѣжались, узнали, и понесли его на рукахъ домой.

И съ той поры обезножилъ Антипъ и никакія деньги не подымутъ. Такъ и остался сиднемъ страдать.

Николино стремя.

I.

Жиль-быль бѣдный мужиченка, Моргуномъ прозвали. Бился, старался Моргунъ до кроваваго поту, а ни въ чемъ счастья нѣтъ. Городить Моргунъ огородъ у дороги, ѣдетъ Никола Угодникъ.

— Богъ помочь, мужичекъ!

Милости просимъ! Куда ѣдешь, Угодникъ?

— Къ Спасу.

— Милостивый Никола, спроси у Спаса, есть ли мнѣ въ чемъ счастье?

— Хорошо, спрошу.

— Да ты позабудешь.

Не позабуду.

А видѣлъ мужиченка: стремяна въ сѣдлѣ у Николы золотыя.

— Милостивый Никола, отвяжи стремяно, да оставь мнѣ! Станешь у Спаса на коня садиться, а стремяна нѣтъ, ты обо мнѣ и вспомнишь.

Послушалъ Угодникъ, отвязалъ стремя, отдалъ мужиченкѣ, и объ одномъ стремени поѣхалъ къ Спасу.

И пріѣхалъ Угодникъ къ Спасу, и пора ему назадъ возвращаться, и забылъ онъ спросить про счастье-то. А сталъ на коня садиться, и вспомнилъ.

— Спасъ Пречистый, Истинный! Мужиченка Моргунъ мнѣ наказывалъ про счастье спросить, несчастный, есть ли ему счастье?

— Есть, есть счастье.

— Какое же ему счастье?

— А ему счастье—воровать и божиться.

II.

Городить Моргунъ огородъ у дороги, ждетъ Николу: Никола Угодникъ скажетъ про счастье, отошаль совѣмъ мужиченка.

А Никола Угодникъ и ѣдетъ, подѣхалъ къ мужиченкѣ.

— Спросилъ, милостивый Никола, у Спаса о счастье?

— Спросилъ, спросилъ. Есть тебѣ счастье.

— Какое же мнѣ счастье?

А счастье твое—воровать и божиться. Давай же стремено-то?

А Моргунъ стоитъ, ровно оглохъ.

— Давай, говорю, стремено!

— Какое стремено? Я, вотъ те Христось, знать не знаю. Стремено!

Такъ объ одномъ стремени и поѣхалъ Никола, поѣхалъ по землѣ русской, по бездолью нужду вывѣдывать, скорый помощникъ и милостивый.

III.

Мужиченка вывѣсилъ на колъ золотое стремя—какъ солнце, засіяло стремя—самъ принялся за городьбу.

А ѣхалъ по дорогѣ изъ Питера баринъ на тройкѣ, — позванивалъ колокольчикъ. Издалека увидѣлъ онъ стремя и прямо направилъ на мужика.

Остановилъ коней у кола.

Ты, мужикъ, укралъ стремя?

— Ваше благородіе, вотъ те Христось, стремено мое.

— Врешь, я тебя въ судъ поведу.

А Моргунъ стоитъ на своемъ, клянется, божится:

Я и въ судъ пойду, стремено мое.

Снялъ баринъ стремя съ кола, мужиченкѣ велѣлъ садиться къ кучеру, и поѣхали въ судъ.

Дорогой приглядѣлся баринъ къ мужику.

Ой, — говоритъ, и рвань же на тебѣ! Стыдно и на судъ съ такимъ ѣхать. На, вотъ, мое пальто, надѣнь.

И нарядилъ мужика, и шляпу и сапоги изъ чемодана ему вынулъ, все честь-честью, и не узнать.

Баринѣмъ пріѣхалъ Моргунъ въ судъ. И доказываетъ на него баринъ, что не иначе, какъ укралъ онъ золотое стремя.

— Вотъ те Христось, мое стремено! — стоитъ на своемъ мужиченка.

И всѣ вѣрятъ.

Поглядѣлъ Моргунъ на барина.

Ты скажешь, что у меня и пальто твое?

Мое и есть.

— И тройка твоя?

— Да, конечно, моя!

— А вотъ те Христось, и пальто и тройка мои!

И всѣ вѣрятъ.

Повѣрили мужиченкѣ и присудили ему: и золотое стремя, и барскую тройку.

Эво! обогатѣлъ мужикъ — нашелъ свое счастье и позабылъ про всякое горе.

Николино письмо.

I.

Былъ Аника купецъ богатый; ѣхалъ онъ разъ путемъ-дорогой домой съ барышами. Ёдетъ онъ селомъ, а тамъ на банѣ надпись написана: „Рожаница лежала Авдотья Муравьева, мальчика родила быть этому мальчику солдатомъ“.

Проѣхалъ Аника, ничего не подумалъ. Въѣзжаетъ въ другое село, опять надпись:

„Рожаница лежала Палагея Архипова, мальчика родила—этому мальчику быть хозяиномъ.“

Ёдетъ Аника дальше, думаетъ о долѣ: рядить судьба человѣку долю, судьбы конемъ не объѣдешь.

Въ третье село въѣзжаетъ Аника, и тутъ баня, и тутъ надпись:

„Рожаница лежала Наталья Котова, родила мальчика—этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть.“

Аникѣ это не показалось.

Какъ такъ, Котову моимъ добромъ и казной владѣть! Не согласенъ.

Все село поднялъ Аника. Указали ему Котову Наталью: на краю села, мужъ-то пропалъ, одна съ ребятишками билась, очень худо жила Наталья.

Аника ей денегъ даетъ: отдай ему мальчика. Поплакала Наталья и отдала: все едино, Богъ приберетъ!

Съ Ванюшкой Котовымъ поѣхалъ Аника домой. Ъдетъ лѣсомъ. Стоитъ осиновая дупля. Приостановился, да Ванюшку въ дупло и спустилъ.

— Ну, слава Богу, перекрестился Аника, избылъ бѣду!

И ходчѣ поѣхалъ.

А случилось о ту пору, сосѣдскій попъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, наѣхалъ на осину, видитъ, изъ дупла парокъ идетъ, колонулъ, а тамъ Ванюшка плачетъ. Ну, сейчасъ же вытащилъ его изъ дупла, завернулъ въ тулупъ и домой.

— Что, отецъ, приѣхалъ порожнемъ? — встрѣчаетъ попадаья.

— Молчи, мать! Я себѣ сына нашель.

А они бездѣтныя были, попъ съ попадьей.

И остался Ванюшка у попа жить. Воспитали его, обучили. Десять лѣтъ прошло, и выровнялся мальчишка на славу, дѣльный.

II.

Позабылъ богачъ Аника о Ванюшкѣ, живетъ, богатѣетъ. Пуще прежняго валить ему счастье и удача.

Вотъ она, судьба-то!

Заѣхалъ Аника по дѣламъ въ то село, гдѣ попъ жилъ. Зналъ попа Аника сколько лѣтъ, остановился у него ночевать.

— Откуда это, отецъ, сына взялъ, ровно бы и не было у васъ?

— А вотъ Богъ сына далъ: въ дуплѣ нашли! — и рассказалъ попъ, какъ поѣхалъ въ лѣсъ по дрова. наткнулся на дупло.

Аника такъ и замеръ.

Вотъ она, судьба-то!

Да спохватился, просить у попа мальчишку. Смутилъ попа. За полтысячи сторговались. И поутру увезъ Аника Ванюшку.

Куда его дѣвать? Гдѣ схоронить, чтобы ужъ дочиста—концы въ воду?

Бдетъ Аника большой деревней. Большой колодезь. Вылѣзъ. И Ванюшка за нимъ—воды напиться. Ванюшка нагнулся, а Аника сзади какъ пхнеть. И угодилъ Ванюшка въ колодезь.

Ну, слава Богу, ушелъ отъ бѣды!—перекрестился Аника, да скорѣе домой.

И надо жъ такому быть—пожаръ. Запылала деревня. Набать. Всполошились крещёные, кто съ чѣмъ, и прямо къ колодезю. И какъ опустили первую бадью, такъ и вытянули Ванюшку. Глядь, а огня какъ и не было, чуть только курится.

Это, — говорятъ старики, для него и пожаръ появился. Станемъ ка мы, крещеные, кормить его міромъ!

И остался Ванюшка жить въ деревнѣ. Изъ дома въ домъ - въ каждой избѣ ему домъ. Поили, кормили Двадцать лѣтъ прожилъ Ванюшка—этакій молодецъ вышелъ.

IV.

Тридцать лѣтъ Ванюшкѣ. Не признать его и родной матери, не узналъ бы и попъ съ попадьей, а Аника и подавно.

Позабылъ Аника, былъ или не былъ на свѣтѣ Ванюшка. Была судьба Ванюшкѣ владѣть его добромъ и казной. Аника судьбу обошелъ.

Старый сталъ Аника, а счастья съ годами не убывало, — богатый купецъ Аника.

Бдетъ Аника съ товаромъ на ярмарку въ ту самую деревню. Остановился у старосты. Разговоръ о томъ, о семъ.

А Ванюшка о ту пору у старосты прислуживалъ.

— Экій молодець-то у тебя! — залюбовался Аника на Ванюшку.

А староста и говоритъ:

Не простой онъ у насъ, колодезный, изъ колодца вынули! — и рассказалъ Аникѣ про пожаръ.

Вотъ она, судьба-то!

Ударило больно Анику, онъ къ старостѣ: отдай да отдай молодца.

Ну, старостѣ чего, — бери. Далъ Аника отступного тысячу, да съ Ванюшкой и покатишь домой.

Приѣхалъ Аника домой, привезъ Ванюшку, самъ со своей старухой раздумался, чего бы такое сдѣлать, отдѣлаться отъ Ванюшки.

Въ монастырь бы его опредѣлить! — совѣтуетъ старуха.

А и въ самомъ дѣлѣ, чего лучше.

И на слѣдующій день повезъ Аника Ванюшку въ монастырь. Знакомые были монахи, уважали Анику. Такъ въ монастырѣ Ванюшку и оставилъ: пускай за душу молить.

Полюбился Ванюшка въ монастырѣ, — хорошій работникъ. Два года прожилъ, на братію трудился.

V.

Два года прошло, сбылъ Аника Ванюшку, кажется, теперь чего ему бояться? А сердце непокойно: ѣсть

ли, пьеть, Ванюшка изъ памяти не выходитъ, такъ и видится ему баня, на банѣ надпись:

„Рожаница лежала Наталья Котова, родила мальчика— этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть“.

И во снѣ Ванюшка снится. Ой, какъ страшно: стоитъ передъ нимъ, какъ живой, ничего не скажетъ, только смотреть неотступно, какъ судьба безотступна.

„Рядить судьба челоуѣку долю, судьбы конемъ не обѣдешъ!“.

— Вотъ что, старуха, поѣду-ка я въ монастырь провѣдать, не убѣгъ ли Ванюшка?

Собрался Аника и поѣхалъ, повезъ монахамъ угощенье.

— Ну, что, какъ Иванъ?

— Живъ, живетъ хорошо, въ монахи постригаемъ.

— Что вы говорите: въ монахи? — у Аники отъ радости духъ захватило.

Тутъ подскочили къ Аникѣ, высаживать его пустились изъ коляски.

— Ахъ, говоритъ Аника, —бѣда какая: деньги-то я дома забылъ. Отпустите Ивана съ письмомъ, пусть онъ сходитъ домой, а я у васъ погощу.

Ну, монахи, что угодно, извѣстно: для богатаго да щедраго на головѣ пойдешъ,—притащили и бумаги и конвертовъ.

И написалъ Аника старухѣ: какъ будетъ Иванъ домой, послала бъ его въ лѣсъ, а слѣдъ за нимъ Шалануту, чтобы тамъ его и кончилъ.

Запечаталъ письмо, подалъ Ивану.

— Снеси старухѣ, передай въ руки, никому не показывай!

Съ письмомъ Аникинымъ пошелъ изъ монастыря Иванъ. Идетъ лѣскомъ. Задумался. Роботко что-то. Глядь, старичекъ навстрѣчу.

Ласково посмотрѣлъ старичекъ.

— А, здорово, Аникинъ приемышъ!

— Какой я Аникинъ приемышъ, я монахъ.

— А покажи, что несешь?

— Письмо.

— Дай, покажи.

— Да какъ я покажу? Аника не велѣлъ.

— Да дай же, говорю тебѣ.

Да такъ строго и праведно смотреть — это Никола былъ угодникъ, печальникъ о всѣхъ гонимыхъ.

Иванъ письмо ему и подалъ.

Разорвалъ старикъ письмо.

— Вотъ, не давалъ, а тутъ бы тебѣ смерть была! — самъ отошелъ въ сторону, сталъ у сосны.

Иванъ ужъ и смотрѣть боится.

— На тебѣ письмо, иди съ Богомъ.

И пошелъ Иванъ понесъ старухъ письмо не Аникино, а Николино.

Пришелъ въ домъ Аникинъ, подалъ старухъ письмо. А въ письмѣ будто пишетъ Аника, чтобы, не дожидаясь свѣта, шла бѣ къ попу да просила бѣ попа обвѣнчать дочку съ Иваномъ до свѣта.

Схватила съ старуха, вывела дочку, благословила Ивана съ Софьей.

А сама къ попу. Попъ было уперся: такъ скоро! Ну, она ему волю Аникину сказала, попъ и размякнулъ.

Извѣстно, для богатаго да щедраго все можно, — до свѣта Ивана съ Софьей обвѣнчали.

И живутъ молодые день и другой и третій, полюбили другъ друга, дней не замѣчаютъ.

А Аникъ не терпитъ, хотъ бы узнать поскорѣй, прикончилъ ли Шалапутъ Ивана? Прожилъ Аника въ

монастырь три дня, отблагодарилъ монаховъ — деньги-то при немъ были — и домой поѣхалъ.

Весель Аника: теперь ужъ окончательно развязался — лежитъ Иванъ гдѣ подъ кустомъ въ лѣсу, мертваго ѣдятъ его звѣри.

Смѣшно Аникѣ, смѣется, вотъ она, судьба-то!

— Я — Аника!

Доѣхалъ до воротъ, да къ дверямъ.

Я — Аника!

Распахнулъ дверь, а на порогѣ Иванъ съ Софьей подъ руку, а за ними старуха.

У Аники въ глазахъ помутилось: какъ стоялъ, такъ и остался.

Вотъ она, судьба-то!

Едва отошелъ, присѣлъ на лавку.

— Что ты надѣлала, старуха!

— Твоя воля, Аника.

Да я жъ его велѣлъ въ лѣсъ завести Шалапутѣ.

Старуха письмо: „обвѣнчать дочку съ Иваномъ до свѣта“.

Его рука, самъ и писалъ, самъ и подписывалъ.

Ничего понять не можетъ Аника. Ужъ не снится ль ему, или онъ ума рѣшился?

— Я Аника! — вскочилъ Аника, да опять на лавку и повалился.

А когда очнулся, призвалъ Ивана. И рассказалъ ему Иванъ о старикѣ чудномъ.

Никто, какъ Никола угодникъ.

Не можетъ Аника помириться, нѣтъ, самъ онъ спросить Николу, такъ это или обманываютъ его? И посылаетъ Ивана: пусть идетъ, отыщетъ Николу и попроситъ для него письмо — хочетъ Аника видѣть угодника.

VI.

Помолился Иванъ Николѣ.

Раннимъ утромъ простился съ женою и отправился въ путь: пусть Никола будетъ ему водитель.

Шелъ Иванъ путемъ-дорогой близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, доходить до рѣчки. На рѣчкѣ перевозъ: сидитъ въ лодкѣ дѣвица, почернѣла вся подъ вѣтромъ, сидитъ, держитъ весла.

— Перевези меня, красавица! крикнулъ Иванъ.

— А куда пошелъ, Аникинъ приемышъ?

— А иду я къ Николѣ. Не знаю, найду ли?

— Найдешь, найдешь, Ванюша, перевезу тебя на тотъ берегъ, пойдешь берегомъ, выйдешь въ лѣсокъ и будетъ направо избушка, тутъ и увидишь.

Сѣлъ Иванъ въ лодку. Перевезла его дѣвица.

— Послушай, Ванюша, какъ будешь ты у Николы, спроси, сдѣлай милость, долго ли мнѣ перевозить еще, ой, устала! ни стать мнѣ и рукъ не разомкну.

Пообѣщаль Иванъ—онъ не забудетъ, спросить угодника о срокѣ, и пошелъ, какъ указала дѣвица. И по тропочкѣ дошелъ до избушки, а тамъ сидитъ старичекъ тотъ самый, что въ лѣсу стрѣлся.

— Далеко ль ты, Аникинъ приемышъ, пошелъ?

— Николу угодника ищу.

— Самый я и есть Никола. Что тебѣ, Ванюша, нужно?

— Аника послалъ къ тебѣ: просить письмо отъ тебя, хочеть спросить у тебя. Мнѣ не вѣрить.

— Ну, что жъ, напишу, да чтобы скорѣе самъ приходилъ.

И написалъ угодникъ письмо Аникѣ.

Взялъ Иванъ письмо, сталъ прощаться.

— Да вотъ еще что: перевозила меня дѣвица, почернѣла подъ вѣтромъ, заказала спросить у тебя, долго ли ей перевозить еще, устала она, ни стать ей и рукъ не разожметъ.

— А скажи ей Ванюша: какъ придетъ Аника, и станетъ она со скамейки и руки отстанутъ отъ веселъ. Да скажи ей, будетъ перевозить Анику, чтобы сказала: Аника, молю, богатый, погреби самъ, я отдохну малость.

Попрощался Иванъ съ Николой, тропочкой вышелъ къ берегу, а тамъ ужъ дѣвица ждетъ. Сѣлъ Иванъ въ лодку.

— Ну, что, Ванюша, когда мнѣ срокъ?

Онъ ей все, — всѣ слова Николины.

— Скоро будешь свободна.

Поблагодарила дѣвица — черна отъ вѣтра.

— Спасибо тебѣ, Ванюша, дай тебѣ Богъ счастья

VII.

Вернулся Иванъ домой, подаетъ письмо Аникѣ.

Обрадѣлъ Аника: самъ Никола угодникъ письмо ему написалъ, велитъ къ себѣ ѣхать.

— Я—Аника! кричалъ Аника, старуха, пеки пироги, суши сухарьки! Меня самъ Никола угодникъ приказываетъ.

Разсказалъ Иванъ Аникѣ путь-дорогу до Николы, и пошелъ Аника, понесъ мѣшокъ съ пирогами да съ сухарьками. Дошелъ до рѣчки. На рѣчкѣ перевозъ. Онъ въ лодку.

Аника богатый, погреби самъ, я отдохну малость! — сказала дѣвица и тотчасъ поднялась со скамейки и руки отошли отъ веселъ.

Аника сѣлъ на ея мѣсто. И какъ сѣлъ, точно влипъ, и руки приросли къ весламъ.

Доѣхали до берега. Встала дѣвица, да на берегъ.

А Аника хочетъ подняться, и не можетъ.

Ты куда, дѣвка?

— Я тридцать лѣтъ перевозила, устала, теперь ты перевози свой вѣкъ, мнѣ будетъ.

И пошла, не оглянулась.

Аника порвался, порвался, нѣтъ, не можетъ стать, и рукъ не оторвешь отъ весель. И остался свой вѣкъ тутъ жить.

А Иванъ съ Софьей зажили богато: все добро, вся казна Аникина перешла Ивану—нареченная доля.

Никола-ночлежникъ.

I.

Нищаго накормить, напоить, а ночевать не просись, нипочемъ не пустить, — богатый мужикъ Егорычевъ. Всѣхъ ко вдовѣ отправлялъ бѣднѣющей, къ Адриановнѣ.

А приходитъ въ вечеру гость незванный— Никола угодникъ. Стучить къ богачу. Пустили нищаго. Поужиналъ старичекъ, да на лежанку.

— Нѣтъ, братъ, погоди, — говоритъ хозяинъ, — у насъ этакъ не водится! Иди къ Адриановнѣ, тамъ тебѣ ночлегъ.

А старичекъ забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говоритъ, — и тутъ хорошо.

И заснулъ.

И, какъ ни будили, ничего не подѣлаютъ. Ну, хоть силкомъ стаскивай. Такъ и отступились.

Поутру поднялся старичекъ и пошелъ. И весь день проходилъ, а къ вечеру опять стучится.

Пустили. Поужиналъ и опять къ лежанкѣ.

— Нѣтъ, ужъ! — забранилась старуха, — моду нашель! Сказано: иди къ Адриановнѣ, тамъ ночлегъ.

А старичекъ и ухомъ не ведетъ, забрался на лежанку.

— Мнѣ, — говоритъ, — и тутъ хорошо.

Да только и слышали, — спить.

Обозлилась старуха: расквилилъ ее нищій.

Ужъ погоди, явишься ужотка, полетишь за двери!

Проспалъ старичекъ ночь, вышелъ, день по дворамъ околачивался, а ввечеру къ Егорычеву — гость незванный.

Отказать совѣстно. Уломалъ хозяинъ старуху. Пустили. Только старуха не дура, стала у лежанки: подступись-ка!

Поужиналъ старичекъ, да къ лежанкѣ, на старуху и наперся.

Иди къ Адриановнѣ, заорала старуха, — говорю тебѣ: у нея ночлегъ.

А старичекъ изловчился, да черезъ старуху и махнулъ на лежанку.

— Мнѣ и тутъ хорошо!

Заснулъ старичекъ.

И ужъ глодала жъ старуха хозяина всю-то ночь.

Нипочемъ не пущу. И не проси. Или сама сбѣгу. Попомнишь тогда. Нашелъ пріятеля.

Путру поднялся старичекъ.

Ну, говоритъ, — Зиновей Григорьичъ, я у тебя загостился. Приходи же ты ко мнѣ въ гости.

А старуха усмѣхается.

Мало, — говоритъ, къ нищему ходятъ въ гости.

Ну, что ты, Никифоровна, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Можетъ, я попотчую и хорошохонько.

Попрощался старичекъ и пошелъ.

II.

День за днемъ успокоилъ старуху. И позабыли бѣ о нищемъ старичкѣ: мало ли ихъ всякихъ у Егорычева кормится. И вдругъ прибѣгаетъ конь подъ окно, на сѣдлѣ письмо. Распечаталъ хозяинъ, диву дался.

— Отъ кого это тебѣ?

А помнишь, старуха, ночлежникъ-то нищій старичекъ, въ гости зоветъ!

— Что жъ, поѣзжай, погости! — усмѣхнулась старуха, — долго-то больно не загостись! усмѣхается.

Конь ждетъ подъ окномъ. Хозяинъ сѣлъ на коня и поѣхалъ.

И привезъ его конь къ дому, — большой домъ, богатый. Встрѣчаетъ тотъ нищій старичекъ.

А, — говоритъ, Григорьичъ, пожаловалъ!

И сталъ его угощать: отъ роду такого кушанья не ѣдалъ Егорычевъ. А послѣ угощенія на отдыхъ: завелъ старичекъ въ комнату, да на ключъ, одного и оставилъ.

А въ комнатѣ ни стула, ни постели, пусто. И такой холодина, всю ночь продрожалъ несчастный.

Околѣю я тутъ безъ покаянія!

Показалась ему ночь за годъ.

На утро выпустилъ его старичекъ и опять въ тепло, и опять за угощенье — пей, ѣнь, чего душенька взниметь, всего довольно. И ничего-то не убываетъ.

Настала ночь, пора спать.

И завелъ его старичокъ въ комнату, еще хуже той: темъ и холодно, дунить — мѣста не найти.

Пропаду я совсѣмъ.

Показалась ему ночь за десять лѣтъ.

Едва утра дождался.

Стало свѣтать, явился старичекъ. Слава Богу, освободилъ. И опять попалъ несчастный въ тепло. И прямо за столъ.

И опять потчивалъ старичекъ, лучше еще.

А къ ночи спать.

Всталъ изъ-за стола, идетъ за старичкомъ.

„Господи, — думаетъ несчастный, — неужто и опять на муку ведутъ?“

А старичекъ въ другое мѣсто ведетъ, и оставилъ его одного въ комнатѣ. И до чего хорошо въ этой комнатѣ: тепло, манный духъ, и постелька-то мягкая, все бы и лежалъ.

И утро настало, пришелъ старичекъ, а уходить неохота.

Каково спать-то было?

— Больно хорошо, дѣдушка.

— А по тѣ-то ночи какъ?

А больно худо.

Первая ночька — тебѣ мѣсто, а другая-то ночька — твоей старухѣ, а эту ночьку спалъ Адріановнѣ. Отправляйся теперь съ Богомъ домой!

Попрощался Егорычевъ со старичкомъ, вышелъ изъ дому. Конь у окна. Сѣлъ на коня и домой. И до самыхъ воротъ донесъ его конь. А какъ слѣзъ, и конь убѣжалъ.

III.

Вошелъ Егорычевъ въ домъ. А его и живымъ не окладывали.

Обрадовалась старуха: не три дня, три года пропадалъ безъ вѣсти.

— Поди-ка, старуха, наливай самоварчикъ, да зови Адріановну въ гости.

Поставила старуха самоваръ, побѣжала къ сосѣдкѣ.

Удивилась Адріановна: никогда еще не бывало такого. Принарядилась, пошла къ сосѣдямъ.

Сѣли чай пить.

Что это случилось, потчуете меня?

А вотъ что, Адріановна, давай домами мѣняться.

Куда мнѣ: мой-то домишко худой.

— Да ужъ говорю, давай мѣняться: я—въ твой домъ, а ты здѣсь живи.

И уговорилъ Адриановну, осталась она у Егорычевыхъ въ домѣ богато жить.

А Зиновей Григорьичъ со старухой въ ея келейкѣ поселился.

Ворчить старуха:

— Чего ты надѣлалъ, ума ты рехнулся!

Не понимаешь ты ничего, старуха. Мѣсто у нея хорошее, а у насъ худое. Намъ не измотать нашего добра своими руками, а она расточить, она опять заслужить себѣ мѣсто.

И все про старичка, про тѣ три ночи,—про какія ночи!—разказалъ старухѣ.

И остались покорно жить въ нищетѣ и бѣдности.

Никола вѣрный.

I.

или-были два брата. Былъ одинъ братъ богатый, другой голый. У бѣднаго нечего ѣсть, а ребятъ много. Приходитъ бѣдный къ богатому.

— Дай мнѣ на пудикъ, дѣти голодомъ сидятъ.

Тотъ ему не далъ.

Дома хозяйка ждетъ, ребятишки.

— Ну, что?

— Нѣтъ, братъ не далъ. Ложитесь, дѣтушки, голодомъ.

Плохо бѣдному, и не съ голода, съ тоски нездоровъ сдѣлался, полежалъ немного времени и померъ.

Приходитъ жена его къ богатому.

Померъ братецъ твой. Дай мнѣ на похороны рублика полтора! со слезами просить.

А хозяйка богатаго брата слышала.

— Дай, дай, — говоритъ, — ты бѣденъ не будешь, похорони брата.

Тотъ не даетъ.

И опять просить со слезами.

— Дай, пожалуйста, вотъ Никола Угодникъ свидѣтель! на икону показываетъ.

Тотъ повѣрилъ, далъ на похороны.

Везти покойника на кладбище было мимо города. Ёдетъ богатый братъ, лошаденку подхлестываетъ: разъ хлестнетъ да Николѣ Угоднику пеняетъ:

— Ты, вотъ, ручаешься за этихъ людей, а чего я съ нихъ возьму?

Сидѣль въ лавкѣ молодой купеческій сынъ, слышитъ, и жалко ему, выскочилъ изъ лавки.

— Постой, — говорить, — дай проститься съ покойникомъ.

Простился, сталъ разспрашивать у богатаго, чего онъ такой, что думаетъ?

— Да, вотъ, я далъ на похороны, и деньги мои, видно, пропащія, а поручился Никола Угодникъ за нихъ.

Купеческій сынъ вынулъ деньги, рачиталъ его.

— Не считай за братомъ долгу! — и просить отдать ему икону Николы Угодника.

А тому, почему не отдать!

Взялъ купеческій сынъ икону и поставилъ къ себѣ въ лавку Николу Угодника. А какъ сталъ вечеръ, заперъ лавку и домой.

Дома встрѣчаетъ мать.

— Что, каково сегодня поторговалъ, дитятко?

— А хорошо, маменька, я поторговалъ. Я икону купилъ, маменька.

— А какую ты, дитятко, икону купилъ?

— Купилъ я Николу Угодника.

— А гдѣ ты купилъ?

— А везли покойника, выбѣжалъ я проститься и купилъ.

— Дорого ли?

— Да за похороны отдалъ.

Ну, дитятко, это добро дѣло. Слава тебѣ, Господи, хорошо поторговалъ.

Легли спать. И видится матери сонъ.

„Возьмите, вы,—говорить,—приказчика, у тебя сынъ не въ полныхъ лѣтахъ, онъ его наставитъ въ торговлѣ. Вы выйдите на улицу, кто попадетъ первый человѣкъ навстрѣчу, тотъ и будетъ приказчикомъ. Вы будете счастливы!“.

Утромъ мать рассказала сыну. Помолился онъ Богу и вышелъ на улицу. И никто не попался ему навстрѣчу. Отъ дома отошелъ порядочно, и вдругъ идетъ.

— Здорово, дѣдушка!

— Здорово, милый вьюнышъ.

— Дѣдушка, не можешь ли мнѣ послужить?

— Гдѣ, сынокъ?

— Да вотъ по торговой части. Я еще глупый, ты меня наставь.

— Старичокъ послушалъ, вернулись они въ домъ, заходятъ въ избу.

Увидала мать.

— Слава Богу, нашелъ себѣ товарища! Дѣдушка, я тебѣ помолюсь, какъ Богу, наставь моего сына уму-разуму.

— Я взятъсь возьмусь, только меня слушай: что я велю, то и дѣлай.

Мать на все согласна. И остался старичекъ съ ними жить въ домѣ.

II.

Поутру чуть свѣтъ будить старичекъ Ивана.

— Вставай, сынокъ, пора итти въ лавку торговать. Торговые люди долго не спятъ. Ишь разоспался!

Поднялся Иванъ и пошли. Осмотрѣлъ старичекъ лавку.

— У васъ благодать какая, можно торговать. Подпишите подъ меня все теперь—я полный хозяинъ.

Иванъ подписалъ. И день торговали хорошо.

Вернулись вечеромъ домой. Собрала мать ужинъ. Сидятъ втроемъ, ужинаютъ. И вдругъ приходитъ большой ея братъ.

— Зачѣмъ пришелъ, братецъ?

— Да вотъ въ Заморье король требуетъ.

— Зачѣмъ же онъ васъ требуетъ?

— А потому, что онъ намъ долженъ. Мы вмѣстѣ жили, сколько кораблей товару продавали ему.

— А когда думаешь отправляться? — спросилъ старичекъ.

А у меня все готово и корабль готовый, только отправляться!

Простился съ сестрою, простился съ племянникомъ и со старичкомъ, приказчикомъ ихъ.

Остались одни, Иванъ и говорить:

— А мы когда, дѣдушка?

Поспѣемъ.

И легли спать.

Путру чуть свѣтъ будить старичекъ Ивана:

Вставай, сынокъ, намъ надо итти на корабельную пристань, корабль выбирать.

Поднялся Иванъ, пошли они на корабельную пристань, долго ходили и выбрали корабль: сколько лѣтъ стоялъ этотъ корабль, не ломился.

— Намъ такой въ самый разъ: мнѣ, старику, и сынку молодому.

И сейчасъ на корабль заходятъ.

Дѣдушка, какъ мы поѣдемъ, нельзя пробраться!

— Проберемся.

Заволновалась корабельная пристань и сдѣлался имъ ходъ.

Удивились корабельщики.

— Что это у насъ, живучи, никогда не бывало!
 Привалили они къ бережку, оприколили корабль.
 — Молись, сынокъ, Богу, счастливы будемъ.
 — Нашъ дядюшка теперь далеко идетъ!
 Молись Богу и мы выйдемъ.
 Къ ночи вернулись они домой. Встрѣчаетъ ихъ
 мать.
 — Что, купили корабликъ?
 — Купили.
 — Слава Богу, — взмолилась она къ Богу, нашли!
 — Когда же, дѣдушка, будемъ отправляться?
 А будемъ отправляться завтра.
 Дождались они дня и на пристань, сѣли на корабль,
 простились съ матерью.
 Господа корабельщики, дайте ходъ!
 — Ступай съ Богомъ, дѣдушка, дорога готова.
 И выѣхали они на море и пошли моремъ.

III.

Шель корабль честно. Ёдутъ они сутки и другія, и
 третьи.

Погляди, сынокъ, въ подзорную трубку, что не
 видать ли?

Посмотрѣлъ Иванъ и увидѣлъ: чернѣетъ. Проѣхали
 еще и опять посмотрѣлъ.

— Дѣдушка, дядюшка нашъ идетъ!

— Ну, теперь поѣдемъ вмѣстѣ.

А и на кораблѣ у дяди увидѣли корабль.

Ёдетъ племянникъ и флагъ ихъ развивается! —
 узналъ дядя.

И догнали и поѣхали вмѣстѣ.

Вотъ имъ изладилось ѣхать мимо города недалеко.

Дѣдушка, намъ надо заѣхать въ городъ, купить кое-что, королю подарки,—говорить дядя.

— Ладно.

Мы безъ этого никогда не являемся, всегда подарки покупаемъ.

Остановились у города. Накупилъ дядя подарковъ, упаси Боже сколько.

— Дѣдушка, а мы что повеземъ?

— Чего повеземъ? Что повеземъ, то и ладно.

— А какъ же мы поѣдемъ, купить надо что.

Ну, да ладно, и такъ доѣдемъ,—и велѣлъ дядѣ впереди плыть.

Отѣхалъ дядя и они за нимъ слѣдомъ. Подѣхали къ горѣ, взялъ старичокъ желѣзную тростку.

На, сынокъ, рой, въ горѣ.

Иванъ ткнулъ — и повалились каменья въ корабль.

Теперь, сынокъ, будетъ съ насъ.

И опять поѣхали. И скоро достигли королевскаго города. Поглядѣлъ Иванъ въ подзорную трубку.

Вотъ и дядюшкинъ корабль, а намъ нѣту мѣста, негдѣ стать.

— Ну, да станемъ.

И раздвинулась корабельная пристань.

— Потихоньку, потихоньку!—закликали корабельщики.

Такъ и вошли и стали рядомъ съ кораблемъ дяди.

Пора было заявить, что такіе-то купцы явились, пора было итти къ королю съ подарками. Дядя забралъ свои подарки и пошелъ.

— Дѣдушка, а мы-то съ чѣмъ пойдемъ?

— А поди, сынокъ, купи двѣ чашки хлѣбныя, что хлѣбы валяютъ.

Иванъ пошелъ на базаръ, купилъ двѣ чашки.

— Ладны ли, дѣдушка?

— Ладны, ладны, умѣлъ выбрать!

И набралъ камушковъ чашку, другой закрылъ.

На, сынокъ, понеси королю подарки.

— Что ты, дѣдушка, какіе это королю подарки?—и стыдно-то ему съ этими-то чашками и каменьемъ, да и послушаться не смѣетъ, и пошелъ.

Приходить къ королевскому дворцу.

— Чего ты нѣсешь?

— Подарки королю,

— А что ты, какіе это подарки королю! Онъ тебя выгонитъ.

— Не ваше дѣло.

И пропустили его, доложили королю.

Король выходитъ, на него смотреть.

Извольте отъ меня принять подарки!—и подаетъ королю чашки.

Принялъ король подарки и, какъ раскрылъ чашку, такъ въ горницѣ и осіяло. Очень обрадовался король и королева обрадѣла. И въ назначенное число расчиталъ король Ивана и его дядю и отпустилъ на корабль съ миромъ.

IV.

А была у короля дочь— сколько годовъ въ разслабленіи лежала!— и была перенесена она въ церковь, какъ неживая.

И объявляетъ король:

— Кто будетъ ночью мою дочь караулить, я того человѣка награжу. А выздоровѣетъ, отдамъ въ замужество за того человѣка.

Услышалъ Иванъ и говорить:

— Дѣдушка, я пойду караулить.

— Ой, ты, ну, куда лѣзешь!

Нѣтъ, дѣдушка, пойду.

— Ну, ладно, Богъ помилуетъ, на уголекъ, очертись, очерти и ее, да купи куль груши и возьми съ собою въ церковь! — и еще далъ старичекъ книгу: читать святырь до послѣдняго слова, и, что бы ни было, не давать отвѣту.

Купилъ Иванъ куль груши и къ ночи отправился въ церковь, рассыпалъ по церкви грушу, очертился, очертилъ королевну и сталъ читать святырь.

Въ самую полночь вдругъ выходитъ...

„Отъ нашего короля обѣдъ сегодня намъ!“

И слышитъ Иванъ, начали собирать грушу, хряпаютъ. И скоро всю подобрали. И увидѣлъ Иванъ огоньки, ровно свѣчи, по всей церкви, и сдѣлался шумъ, верескъ, кричатъ:

„Ой, ѣсть нечего, давайте съѣдимъ ихъ!“

И увидѣлъ Иванъ не огоньки, а самъ все читаетъ. Буквы, какъ огоньки мелькали, а онъ все читаетъ. И дошелъ до послѣдняго слова.

Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! — и закрылъ книгу.

Тутъ пѣтушки спѣли и ихъ не стало.

— Ну, теперь, королевна вставай! — поднялъ ее за руки, поставилъ, и стали оба Богу молиться.

Ключи забрякали, двери отпираютъ, сторожа пришли. Сторожа пришли и видятъ — живы, стоятъ, оба Богу молятся.

Идите, скажите королю: дочь здорова, на ногахъ стоитъ.

Бѣгутъ сторожа къ королю.

— Дочь здорова на ногахъ стоитъ!

Обрадовался король и королева обрадѣла: велѣлъ король запрягать коней самыхъ лучшихъ, везти дочь во дворецъ да Ивана.

И привезли ихъ. Вошли они въ горницу, Богу помолились.

— Ну, теперь, — говоритъ король, — ты ее освободилъ, я позволяю на ней жениться. И ты ужъ не Иванъ, купеческій сынъ, а королевичъ!

И повѣнчался Иванъ - королевичъ на королевнѣ и стали пиръ пировать. Тутъ только и вспомнилъ.

— Ой, у меня на кораблѣ есть дѣдушка довѣренный приказчикъ и дядя!

Ну, сейчасъ же поѣхали за ними, подхватили подъ ручки, въ карету посадили и привезли во дворецъ — за гостей почитать будутъ.

— Эхъ, Иванъ - королевичъ, позабылъ ты дѣдушку! Повѣнчался на королевнѣ! — пенялъ старичекъ Ивану.

Да, дѣлать нечего, не воротишь.

Трое сутокъ пировали.

— Иванъ-королевичъ, хорошо гостить, да время отправляться?

— Когда, будемъ, дѣдушка, отправляться?

— Да на завтрашній день.

И на завтра велѣлъ король сказать на корабельной пристани, чтобы простору имъ было.

Удивляются корабельщики,

— Былъ Иванъ, купеческій сынъ, а сталъ Иванъ-королевичъ!

Вышли они на бѣлы двory, сѣли въ кареты. Музыка впереди и войско. Приѣхали на пристань, вошли на корабль. Простились съ тестемъ. Дядю впередъ отправили. Сѣлъ старичекъ на руль, Иванъ-королевичъ сталъ на носъ и поѣхали.

Шелъ корабль честно. На кораблѣ войско и музыка. Иванъ - королевичъ, посмотри въ подзорную трубу.

Посмотрѣлъ Иванъ-королевичъ.

— Дѣдушка, недалеко что-то чернѣть. Дѣдушка, островъ!

— Ну, слава Богу, можно погулять и войско покормить.

Пристали они къ острову и пировали.

Приказалъ старичекъ войску наносить дровъ и приказалъ дрова сжечь. Разгорѣлись дрова на мелкій уголекъ жаръ сильный сталъ. Взялъ старикъ королевну, въ огонь бросилъ и сжегъ. И не стало королевны.

Одинъ остался Иванъ-королевичъ.

— Что же ты, Иванъ-королевичъ, запечалился?

— Да какъ же, дѣдушка!

— Не печалься, подождемъ немного! — самъ дунулъ въ пепель и на двѣ грудки онъ сдѣлался, — можешь ли ты отгадать, какой пепель отъ дровъ, какой отъ человѣка?

Иванъ-королевичъ посмотрѣлъ и узналъ.

... Вотъ этотъ.

Ну молодецъ!

Взялъ старичекъ пепель въ руку, кинулъ его въ воду. Пепель расплылся по водѣ и здрава выскочила королевна изъ воды.

— Что, королевна, чувствуешь ли теперь что?

— Да ничего, дѣдушка, я жива и здорова.

— Вотъ, Иванъ-королевичъ, теперь она жива и здорова. Молитесь Богу, ты королевичъ, ты — королевна.

И благословилъ ихъ старичекъ. Сѣли на корабль и дальше въ путь.

Корабль бѣжитъ и сердце радуется.

— Иванъ-королевичъ, посмотри въ подзорную трубку, не увидишь ли что?

Посмотрѣлъ Иванъ-королевичъ:

Мнѣ, дѣдушка, показывается что-то, чернѣтъ что-то.

Вотъ ближе и ближе.

— Ой, дѣдушка, нашъ городъ!

— Ну, и слава Богу, домой попали.

Вышелъ воинскій начальникъ встрѣчать ихъ съ войскомъ, съ музыкой.

Сошли съ корабля. Королевичъ и королевна, старичекъ, а за ними войско,

Иванъ-королевичъ, спросите, что мать ваша живали? Домъ цѣлъ ли?

И сейчасъ распознали: старуха жива, а тамъ все крапива и дома нѣтъ!

И выстроили новый домъ-дворецъ, жить, да поживать.

Простился старичекъ, благословилъ и пошелъ, Никола Угодникъ вѣрный.

А они и теперь живутъ.

Никола Милостивый.

I.

Шелъ Христосъ съ Николою. Много прошли они селъ, городовъ, много видѣли бѣды на землѣ. А тамъ, по раздолью полямъ весеннимъ такіе цвѣты цвѣли, красовали Божій міръ.

Шелъ Христосъ съ Николою по нашей землѣ.

Изъ дома въ домъ заходили странники, и не мало труда поднялъ Никола,—всякому поможетъ, никому не отказывалъ,—и оборвался весь, нищъ.

Нищими странники постучались въ избу на ночлегъ.

Тѣсно въ убогой избѣ, жила въ ней солдатка съ ребятишками, и хлѣба у нихъ не было, была краюшка одна да съ горстку муки, а въ хозяйствѣ корова-бѣлуха, да и та безъ молока.

У меня и покормить-то васъ нечѣмъ, и молока нѣтъ, все жду, вотъ, отелится бѣлуха.

Не кручинься,—сказалъ Христосъ,—всѣ будемъ сыты.

Сѣли за столъ, подала хозяйка послѣднюю краюшку.

И одна краюшка всѣхъ насытила.

— Вотъ, говорила, нечѣмъ будетъ накормить, гляди-ка, всѣ сыты, да еще и осталось!—радовался Никола больше матери и ребятишекъ сытыхъ.

Уложила мать ребятишекъ. Улеглись и странники. А сама пошла въ закомръ: не соберетъ ли муки на блины — угостить поутру странниковъ? И откуда что взялось:

было съ горстку въ ларѣ, а тутъ этакую махотку принесла. Сдѣлала она растворъ. И наутро испекла блиновъ.

Вотъ видишь, и мука есть!—радовался Никола.

А ужъ какъ ребятишки-то блинамъ рады!

Прощались странники и пошли себѣ дальше въ путь.

Шель Христось съ Николою зелеными, молодымъ полемъ зеленымъ. Какъ хорошо на землѣ въ Божьемъ мірѣ. Гадалъ Никола о урожаѣ.

Уморились странники и задумали передохнуть малость. А стояло у дороги большое хозяйство, тамъ же и мельница. Они на мельницу.

Увидалъ хозяинъ, видитъ, побиральщики, да и ну гнать со двора.

— Лодыри, бродяги, стащутъ еще чего! ворчалъ въ догонку, грозилъ собаками.

Такъ и пошли.

Такъ и пошли, куда повела дорога.

II.

Шель Христось съ Николою по нашей землѣ.

Къ вечеру привела ихъ дорога въ лѣсъ. На лѣсной полянкѣ прилегли странники. И ночь со звѣздами такими колыбельными покрыла ихъ.

По звѣздамъ отъ звѣзды къ звѣздѣ—гадалъ Никола о землѣ нашей, думалъ думу невеселую.

И вотъ среди ночи прибѣжалъ на полянку сѣрый волкъ, поклонился Христу и просить ѣсть: третій день ходитъ голодомъ.

— Господи, я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!

— Поди, волкъ, къ солдаткѣ, — сказалъ Христось, — изба ея съ краю при дорогѣ, есть у нея корова-бѣлуха, ту корову ты и съѣшь.

— Господи милостивый, вступился Никола,— за что же такъ? Вѣдь, послѣднее отнимаешь, а ребятишки-то какъ тамъ заплачутъ! Господи, Ты вели лучше у мельника попользоваться: и прогналь онъ насъ, и добра у него дѣвать некуда.

— Нѣтъ, нельзя такъ, сказалъ Христось,— нѣтъ ей талана на семъ свѣтѣ, пусть бѣдуетъ до времени.

А волкъ, какъ услышалъ повелѣніе, да со всѣхъ волчьихъ ногъ бѣжать за ѣдой.

И Никола поднялся. Пошелъ посбирать хворосту, костеръ разложить: что-то зябко ему. Зашелъ старикъ за деревья, да по слѣдамъ волчинымъ бѣгомъ за волкомъ. Обогналь волка,— волкъ-то куда еще: съ голодухи не очень-то притко побѣгаешь! И поспѣлъ. Взялъ Никола бѣлуху солдаткину, вымазалъ всю грязью и опять поставилъ. А самъ назадъ. Тамъ набралъ хворосту. Да только не надо разводить огня и такъ тепло. Экая ночка-то теплая! И задремалъ старикъ.

И вотъ будить Христось:

— Вставай, Никола, въ дорогу пора.

Не заставилъ ждать, легко поднялся Никола и на сердцѣ ему, какъ заря горить: слава Богу, ни съ чѣмъ уйдетъ волкъ, и мать не заплачетъ.

А волкъ-то и бѣжитъ, сѣрый, кланяется.

Господи, нѣтъ у солдатки бѣлухи, а есть черная.

— Такъ бери черную,— сказалъ Христось.

Шелъ Христось съ Николою по зарѣ утренней. Пробуждались цвѣты полевые и цвѣтики малые, красовали Божій міръ.

А тамъ на селѣ, сѣрый волкъ добрался до черной бѣлухи, зарѣзалъ и ѣлъ свою долю. И когда хватилась солдатка, отъ ея бѣлухи только рожки да ножки остались.

„Богъ далъ, Богъ и взялъ, Его воля!“ приняла несчастная свою горькую долю.

Шли странники въ гору. Шли молча. Трудно было Николѣ послѣ краткой ночи. Вела дорога все въ гору.

И когда поднялось солнце и краснымъ огнемъ ударило въ полміра, увидѣлъ Никола: катится имъ навстрѣчу бочка, а въ бочкѣ золото.

— Господи, куда это такое богатство?

— Мельнику,—сказалъ Христосъ,—ему это золото.

— Господи, удѣли хоть горстку той несчастной: безъ бѣлухи осталась, ребятъ больно жалко.

Нѣтъ, нельзя, — сказалъ Христосъ, — мельнику таланъ даденъ на семь свѣтъ и пусть ему будетъ довольно до время. Такъ и быть должно.

Прокатилась бочка: какъ жаръ горить по дорогѣ.

Посторонились странники и дальше пошли.

А бочка катилась все подъ гору и такъ до самой мельницы. Сгребъ мельникъ золото— золото къ золоту и не замѣтишь!—нѣтъ, ему мало бочки.

„Кабы десять бочекъ!“—думалъ мельникъ и старая забота давила плечи.

III.

Шель Христосъ съ Николою.

Труденъ путь: чѣмъ дальше, тѣмъ круче гора. И хоть бы передохнуть часокъ! А идутъ и идутъ.

На зарѣ вечерней поднялись они высоко, къ самой вершинѣ.

Господи, я пить хочу!—взмолился Никола.

Ступай по той тропинкѣ, тамъ колодецъ, напейся!—сказалъ Христосъ.

И пошелъ Никола, какъ указалъ Христосъ,—едва ужъ ноги идутъ. И отыскалъ Никола колодецъ, заглянулъ,

чтобы воды достать, а тамъ змѣи кишать. И отшатнулся. И увидѣль: тотъ самый мельникъ, мельникъ стояль у колодца—весь изодрался о камни и руки въ крови.

— Жажду! просилъ несчастный.

И ничѣмъ ему не могъ помочь Никола.

Вернулся ко Христу Никола.

— Нѣтъ, Господи, тамъ нечистый колодець.

Христось ничего не отвѣтилъ.

И опять пошли. Еще выше, еще круче на еще большую гору.

Шли они по горѣ высоко надъ землею, поднялись они до звѣздъ высоко, и звѣзды такія близкія и такія грозныя разрѣзали путь.

Господи, Господи, я пить хочу!—взмолился Никола.

Ступай по этой тропинкѣ, тамъ тебѣ будетъ колодець,—сказаль Христось.

И пошелъ Никола, какъ указаль Христось,—падаетъ ужъ изъ послѣднихъ. И добрался, отыскаль колодець, зачерпнулъ. А вода такая свѣжая, да чистая.

И не узналъ Никола мѣста: гдѣ камни? и нѣтъ пропастей! И до того хорошо кругомъ и свѣтъ такой свѣтлый—такой садъ, какъ рай. Сталъ и стояль, любуясь. И увидѣль: мать стоитъ у колодца, та солдатка, и такая, какъ самъ онъ, любуясь. И до того хорошо кругомъ и такой свѣтъ свѣтлый такой садъ, какъ рай.

И вдругъ услышалъ голосъ.

— Никола,—зваль Христось,—что же ты такъ долго стоишь?

— Господи, какъ долго? Три минуточки!

— Не три минуты, три года,—сказаль Христось.

И они пошли съ горы опять на нашу землю.

Н и к о л а — С у д і я.

I.

Жиль-быль Савелій-богатый, богатый человѣкъ. Жиль онъ съ женою ладно. И состарились оба. И до того они были добры и жалостливы къ людямъ всѣхъ бѣдныхъ, нищихъ кормили и поили, и въ долгъ давали, и назадъ долгу не требовали. А казна ихъ не убывала. И жили они спокойно.

Савелій и говоритъ старухѣ:

— Ну, старуха, иригрѣшили мы у Господа Бога. Кто бѣется да старается, у того нѣтъ ничего, а мы сиднемъ-сидимъ и намъ все, ровно съ неба валится.

И просить старикъ старуху напечь пирожковъ да засушить сухариковъ: пойдетъ онъ Николу Угодника разыскивать, пускай Никола разсудитъ, спросить у Спаса, что имъ за этотъ грѣхъ выйдетъ.

Напекла старуха пирожковъ, засушила сухариковъ, истолкла сухарики въ мучку, насыпала мѣшочекъ. Простился Савелій со старухой и пошелъ искать Николу.

II.

Мало ли, много ли шелъ Савелій. Идетъ, раздумываетъ о своей богатой долѣ, и попадаетъ ему навстрѣчу разбойникъ.

--- Что, старикъ, гдѣ это Савелій-богатый живетъ?

--- А тебѣ что въ немъ?—спросилъ Савелій.

--- А иду я, обокрасть хочу богача.

--- Я самый и есть! обрадовался Савелій, вынулъ ключи,—вотъ тебѣ ключи, ступай, сколько хочешь бери, только старуху не тронь.

Взялъ разбойникъ ключи.

Ты-то самъ куда пошелъ?

Николу ищу, пусть разсудить—спросить у Спаса, что намъ за грѣхъ нашъ выйдетъ: кто мучается, бьется, и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

Усмѣхнулся разбойникъ: „Рехнулся, молъ, старикъ съ сытости!“

И разошлись.

Отошелъ немного разбойникъ, раздумался.

„Господи, вѣдь, и мнѣ тоже не только на семъ свѣтѣ жить, а и на томъ свѣтѣ!“

И все припомнилъ, сколько онъ душъ погубилъ, и какъ ему все было мало.

Догналъ разбойникъ Савелія.

--- Возьмите ключи-то назадъ!

Что же не пошелъ?—опечалился Савелій.

--- Возьмите меня съ собой!—сказалъ разбойникъ.

И пошли они вдвоемъ искать Николу: Савелій-богатый да разбойникъ.

Дошли до деревни. Ночь настигаетъ. Надо ночевать. Постучались въ избу. Въ избѣ одна хозяйка.

— Пусти насъ, хозяйюшка, ночевать!

--- Милости просимъ, ночуйте, только кормить нечѣмъ.

— Намъ ничего не надо. У насъ свое есть. Дай только чашку да ложку, да влей водички.

Хозяйка подала чашку и ложку, влила въ чашку воды, поставила на столъ.

Взялъ Савелій мѣшочекъ, насыпалъ сухариковъ въ чашку, помѣшалъ-помѣшалъ чашка полная сѣла, разбухли сухари. Поѣлъ Савелій, передалъ разбойнику. Наѣлся разбойникъ. А чаша не убываетъ.

Идетъ хозяинъ. Какъ ступилъ на порогъ, затопалъ ногами и сталъ жену крошить.

— Это у тебя что за гости? Самимъ ѣсть нечего, а эти разсѣлись, кормишь.

— Не ругайся, хозяинъ, это у насъ все свое!—и предложилъ Савелій хозяину отвѣдать кушанье.

Присѣлъ хозяинъ къ столу, поѣлъ. И хозяйка наѣлась.

— Мы такого и въ вѣкъ не ѣдали,—благодарятъ.

Ну, и разговорились: откуда и куда странники идутъ?

Савелій и говоритъ.

— Вышелъ я Николу искать, пусть разсудитъ—спроситъ у Спаса, что намъ за грѣхъ нашъ будетъ: кто мучается, бьется, и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казну нашу, а все, ровно съ неба валится.

А разбойникъ говоритъ:

— А я вотъ на свѣтѣ столько душъ погубилъ, иду спросить, что мнѣ за это будетъ? Не на семъ только свѣтѣ жить мнѣ, а и на томъ свѣтѣ.

Переночевали ночь, наутро поднялись въ дорогу.

— Возьмите и меня съ собой,—проситъ хозяинъ,—и мнѣ не на семъ только свѣтѣ жить, а и на томъ свѣтѣ. Я во всю мою жизнь никого не напоилъ, не покормилъ: все боялся, что самимъ не хватить.

И пошли втроемъ: Савелій-богатый, да разбойникъ, да хозяинъ.

III.

Идутъ и идутъ. Отъ часу дорога лучше, и шире, и глаже, что карта.

Стоить домъ. Подошли къ дому. Нигдѣ ему конца нѣтъ—такой большой. Поднялись по лѣсенкѣ и попали въ коридоръ. И стоитъ тамъ старичекъ сѣденькій, древній старичекъ.

— Не ты ли, батюшка, Никола Милостивый?

— Я,—говорить,—я. Что вамъ нужно?

— Спроси у Спаса, что намъ за грѣхъ нашъ выйдетъ: кто мучается, бьется, и у того нѣтъ ничего, а намъ, и раздаемъ мы казню нашу, а все, ровно съ неба валится!

— А я—разбойникъ. На этомъ свѣтѣ сколько душъ загубилъ. Спроси у Спаса, что мнѣ за это будетъ?

А я вотъ живу на свѣтѣ и никого не напоилъ, не накормилъ. Спроси у Спаса, что мнѣ за это будетъ?

Никола Угодникъ и говоритъ:

Ночуйте, странники, тутъ вамъ будетъ покой.

И. отворилъ дверь по правую руку и впустилъ туда Савелія. И отворилъ другую дверь и впустилъ туда разбойника. И отворилъ третью дверь и впустилъ туда хозяина.

Вошелъ Савелій въ комнату. И до того эта комната убрана: большая, чистая, кровать высокая, подушки пуховыя.

Ходить Савелій по комнатѣ.

„Господи, это какъ царство небесное!“

Походилъ, походилъ, да и прилегъ на кровать. А по стѣнѣ у кровати какъ заборъ, а въ заборѣ щелка. Онъ въ эту щелку и смотритъ: а тамъ комната еще лучше убрана.

Вошелъ разбойникъ въ свою комнату. Пусто, однѣ голыя стѣны и двѣ доски вмѣсто кровати. Походилъ, походилъ, да на дощечки-то и легъ. И какъ повалились на

него съ потолка сабли, тесаки, пистолеты, ружья, топоры, ножи. Все на него валится и колетъ. Всю ночь продрожалъ.

Вошелъ хозяинъ въ свою комнату. У него, какъ у разбойника, голо. Легъ онъ на доски. И напала на него жажда и такой голодъ, — попадись какое животное, сырьемъ съѣлъ бы. Вскочилъ онъ. Бѣгаетъ, да стѣны грызетъ зубами. Тошно.

Наутро выпустилъ Никола Савелія.

— Каково тебѣ, Савельюшка, было спать?

— Охъ, Никола Милостивый! Какъ царство небесное.

— Это вѣчное мѣсто твое, а рядомъ—старухъ твоей. Ступай съ Богомъ. Будетъ тебѣ покой.

Выпустилъ Никола разбойника.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать. Всю ночь продрожалъ.

— Какъ отъ тебя невинныя души тряслись, и умаливали тебя и упрашивали, а ты ихъ билъ, кололъ, давилъ. Теперь твой чередъ. Это мѣсто твое.

Выпустилъ Никола хозяина.

— Каково тебѣ было спать?

— Хорошо, Никола Милостивый, мнѣ было спать. Всю стѣну прогрызъ.

— Это за жадность твою: какъ тѣ, кому ты отказывалъ, самъ будешь мучиться голодомъ и жаждать. Это мѣсто твое.

И отпустилъ ихъ Никола.

Пошелъ разбойникъ свой грѣхъ замаливать. Не забыть и хозяину голодной ночи, пошелъ онъ къ своей хозяйкѣ — не поскупится, подѣлится съ несчастнымъ.

Вернулся Савелій домой.

И зажили попрежнему старики: поятъ и кормятъ бѣдноту, займы даютъ и долгу назадъ не требуютъ. По-

прежнему идетъ народъ къ Савелію. Но ужъ что отдасть, того нѣтъ и нѣтъ.

Все роздали, и хлѣбъ роздали, скота всего роздали, всю казну роздали. И ничего въ домѣ болѣ нѣтъ. Осталась только краюшка на столѣ, —только укусить маленько тому и другому.

Перекрестился старикъ:

— Слава тебѣ, Господи, у насъ ничего теперь нѣтъ.

Перекрестилась старуха.

— Слава Тебѣ, Господи! Давай, старикъ, закусимъ краюшечкой, да и пойдѣмъ въ міръ.

Закусили краюшкой, попрощались съ домомъ и пошли.

Идутъ старики мимо своего окошка и слышатъ въ домѣ плачь.

— Ой, кто же это тамъ!

Заглянули въ окно.

А тамъ мертвыя два тѣла лежатъ. Это души ихъ, значить, пошли! Оба тѣла лежатъ рядышкомъ: Савелій да старуха его. А надъ ними бѣднота, горемыки.

Никола Чудотворецъ.

I.

Жили-были три брата—купцы Ломтевы. Большую торговлю вели съ заморскими королями. Три каменные дома Ломтевыхъ славились на весь городъ. А старшого брата домъ всѣхъ богаче. И былъ у него одинъ сынъ Василій.

Стали братья собираться на ярмарку. И говоритъ старшой братъ братьямъ:

Возьмите моего сына съ собой не для торговли, а для науки.

Братья согласились.

Нагрузилъ ему отецъ шесть кораблей драгоцѣннаго камня, и благословилъ въ путь для науки.

Пріѣзжаютъ они въ королевскую землю, привалили на пристань, пошли себѣ мѣсто откупать, а Василій остался на пристани, знай, посматриваетъ.

Вотъ идетъ старичище, королевскій карла.

— Что, молодець, привезъ?

— Дяди привезли краснаго товару, а я драгоцѣннаго камню шесть кораблей.

— А еще дома есть?

— Есть.

— Предоставь мнѣ еще шесть кораблей. Деньги получишь вразъ.

Крикнулъ Василій рабочихъ, выгрузили товаръ. Написалъ карла расписку. Тутъ вернулись на пристань дяди и хвалятъ, что хорошо товаръ запродавъ, цѣну хорошую взяли.

Стала ярмарка закрываться, поѣхали они домой.

Отецъ встрѣчаетъ Василю.

Что, милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

Не знаю, что выйдетъ. Предоставь еще, тятенька, шесть кораблей, деньги получишь вразъ.

И отецъ его за то похвалилъ.

И когда подошла пора, нагрузилъ ему отецъ еще шесть кораблей драгоцѣннаго камню. И поѣхалъ Василій въ королевскую землю.

Привалили на пристань, дяди пошли мѣсто себѣ выторговывать, а Василій остался поджидать покупателя.

Вотъ идетъ старичище, королевскій карла.

— Что, молодецъ, исполнилъ договоренное?

Исполнилъ.

Карла поглядѣлъ: шесть кораблей — товаръ тотъ же.

Крикнулъ Василій рабочихъ, выгрузили товары. Велитъ ему карла явиться за деньгами.

Вернулись дяди на пристань. Разказалъ имъ Василій о продажѣ.

Нате расписку, сходите въ такой-то домъ, получите. У меня толку не хватить расчитаться.

Взяли они расписку и пошли за расчетомъ.

Вышелъ къ нимъ старичище.

Идите, молодцы, за мной. Чѣмъ вы желаете получить: мѣдными деньгами, или серебромъ, или золотомъ, или есть у меня еще про васъ, коли хотите?

Сидить дѣвица и такъ хороша, — не столь зарились они на деньги, сколь смотрѣли на эту дѣвицу. Да такъ отъ грѣха поскорѣй и ушли на пристань.

— Ступай, Вася, бери что знаешь самъ.

Пошелъ Василій.

Что, молодецъ, какими деньгами желаешь: мѣдью, золотомъ, или серебромъ, или есть у меня еще про тебя, коли хочешь?

Василій посмотрѣлъ на дѣвицу и долго не думалъ, вотъ, что ему надо за двѣнадцать кораблей!

Имущества съ ней немного пойдеть, только одна шкатулка, — сказалъ карла.

— Ничего, у насъ казны довольно съ отцомъ.

Прощался Василій съ карлой. Взяла дѣвица шкатулку и пошла за нимъ. Вышла она на волю, помолилась, — она, какъ въ аду, тутъ была, сызмлада выкраденная, не простого роду.

Какъ увидѣли дяди, что ведетъ Василій дѣвицу на пристань, голову потеряли: хороша-то, хороша, да не похвалить отецъ, навѣчно его разорилъ.

Окончилась ярмарка. Пріѣхали они домой. Встрѣчаетъ отецъ Василя.

— Что, милой, съ накладомъ или съ барышомъ?

— Не знаю, тятенька, видно, съ накладомъ: я купилъ себѣ жену за двѣнадцать кораблей.

Отецъ и ну его таскать.

Сгинь, кричитъ, съ моихъ глазъ, и не ходи ко мнѣ никогда въ домъ: куда знаешь, туда и ступай!

И остался Василій на улицѣ съ молодой женой.

Ночь переночевали на постояломъ дворѣ. Наутро жена вынула изъ шкатулки три златницы.

Ступай, Василій, купи себѣ домъ.

Василій взялъ деньги и пошелъ по городу. И не долго искалъ купца, нашелся такой. Повелъ купецъ Василю домъ смотрѣть: домъ трехъэтажный, каменный.

— Много ль возьмешь?

— А что дашь?

— У меня три златницы.

— Одной довольно, — сказалъ купецъ.

Ну, бери двѣ, — мой домъ!

Расчитался Василій по-царски съ купцомъ, да скорѣй за женой—будетъ имъ гдѣ жить! А на послѣднюю златницу купилъ онъ вина, выкатилъ бочку къ воротамъ: а кто бы ни прошелъ, ни проѣхалъ, всѣхъ на влязины зоветъ къ себѣ—справлять новоселье. Потомъ пошелъ къ дядѣ,—посулился дядя. Пошелъ къ другому, и другой не отказалъ. Пошолъ къ отцу, и палъ передъ нимъ на колѣни. Да слышать ничего не хочетъ отецъ, да за волосы, да вонъ его и выбилъ на улицу.

II.

Вернулся Василій въ свой новый домъ — полонъ домъ народа.

— Что не весель, хозяинъ? — обступили гости.

А какое ему веселье? Разсказалъ онъ про отца, какъ отецъ его встрѣтилъ.

Всѣмъ народомъ пошли къ старику за сына просить. И уломали старика. Пришелъ отецъ — первое мѣсто ему, первую чару.

Подарилъ отецъ молодымъ козла, старшой дядя — лошадку, младшій дядя — корову. И много набросали имъ серебра — много денегъ собралъ Василій съ женой.

Отецъ простилъ сына и ужъ домой не вернулся, а велѣлъ запечатать свой домъ, — самъ остался съ сыномъ да съ невѣсткой. И зажили втроемъ дружно.

Говорятъ дяди Василю.

— Вотъ, племянничекъ, ѣдемъ мы на три ярмарки, поѣдемъ съ нами!

— Да не съ чѣмъ мнѣ ѣхать-то.

А жена и говоритъ:

— Поѣзжай, Василій, богаче ихъ пріѣдешь.

Василій и согласился.

Тутъ жена открыла шкатулку, вынула еще златницу и посылаетъ его на рынокъ купить ей разныхъ шелковъ. Пошелъ Василій на рынокъ, купилъ женѣ разныхъ шелковъ. Въ трое сутокъ вышила она три ширинки, законвертила ихъ въ родѣ кирпичиковъ, подписала подписи.

— Въ первое королевство пріѣдешь, тамъ крестная моя—королева, подай этотъ конвертъ. А въ второе королевство пріѣдешь, вотъ этотъ конвертъ подай, тамъ мой крестный—король. А въ полунощное царство пріѣдешь, тамъ мой отецъ и моя мать!

Взялъ Василій конверты, простился съ женой.

Прощай, царевна!

И безъ денегъ поѣхалъ съ дядиными кораблями.

Пріѣзжаютъ въ первое королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами: дяди свое—всякія матеріи подносятъ, а Василій царевнинъ конвертъ. Развернулъ король ширинку, а на ширинкѣ подпись къ крестной.

Обрадовались король съ королевой.

Гдѣ ты нашелъ ее, нашу крестницу?

— Очень она мнѣ дорого стала: далъ за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

А король и королева на радостяхъ все бы отдали.

Жертвуемъ тебѣ три корабля на отдарки.

Нагрузили Василю три корабля драгоцѣннаго камню, кончилась ярмарка, и поѣхали они въ второе королевство.

Приходятъ къ королю съ гостинцами: дяди—свое, а Василій царевнинъ конвертъ--съ ширинкою. А на ширинкѣ подпись къ крестному.

— Гдѣ ты нашелъ мою крестницу?—удивился король.

— Очень она мнѣ дорого стала: далъ за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

И крестный пожертвовалъ на радостяхъ три корабля на отдарки.

Нагрузили Василю три корабля драгоцѣннаго камню. Кончилась ярмарка, и поѣхали они въ полуночное царство.

Приходятъ они къ царю съ гостинцами: дяди свое-матеріи всякія, Василій—царевнинъ конвертъ.

И какъ вывернули конвертъ,—ширинка. А на ширинкѣ подписана подпись царю.

Обрадовался царь.

— Гдѣ ты нашелъ мою милую дочь?

Разсказалъ Василій о королевскомъ карлѣ: какъ въ аду жила тамъ царевна.

— Очень она мнѣ дорого стала: далъ за нее я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню.

Эка, дорого! Жертвую тебѣ на отдарокъ шесть кораблей.

Нагрузили Василю шесть кораблей драгоцѣннаго камню, и стало у него всѣхъ двѣнадцать, какъ было.

Раздумался царь: да вправду ли Василій нашелъ его дочь?—и говоритъ приближеннымъ:

Какъ бы такъ провѣрить? Нельзя ли мою дочь предоставить сюда?

— Поздно ты хватился, надо бы пораньше!—говорятъ царю приближенные.

А одинъ выискался Коть-и-Левъ: море ему по колѣно и на догадку гораздъ.

— Черезъ его именной перстень можно ее скоро достать.

А ужъ ярмарка кончилась, собрались корабли плыть домой. Царь Котылева послушалъ, да на пристань, зоветъ Василю, просить остаться еще на денекъ.

— Милой зять, попируй со мной суточки, я тебя отправлю потомъ.

Поплыли домой корабли дядей, а Василій остался у царя пировать. На пиру ему подлили сонныя капли: какъ выпилъ и уснулъ крѣпко. Съ соннаго сняли съ него именной перстень, съ этимъ перстнемъ и поѣхалъ царскій посланный въ Ломтевъ-городъ за царской дочерью.

Много ль спалъ Василій, проснулся, и скорѣе на свои корабли догонять дядей.

А посланный пріѣхалъ въ ихъ городъ, разыскалъ старика Ломтева и прямо къ царевнѣ.

Узнала царевна мужнинъ перстень, повѣрила и сейчасъ же отправилась съ посланнымъ въ полуночное царство къ отцу.

Нагналъ Василій корабли дядей. И пріѣхали вмѣстѣ. На пристани встрѣчаетъ отецъ Василю.

— Что, сынокъ, съ накладомъ или съ барышомъ?

Вотъ тебѣ, тятенька, радость: получилъ я двѣнадцать кораблей драгоцѣннаго камню, бери ихъ себѣ.

Обрадовался отецъ: всѣ двѣнадцать кораблей вернулъ ему сынъ!

— А гдѣ же жена?—спрашиваетъ Василій.

— Да, вѣдь, ты же ее по своему перстню вызвалъ къ отцу!

Тутъ хватился Василій, а перстня-то нѣтъ. Затужилъ онъ, заплакалъ, не пошелъ и домой, пошелъ онъ на край моря, куда глаза глядятъ.

III.

Идетъ Василій на край моря и день, и другой, и третій не три дня, три года. И показался ему старичекъ.

Что, Василій, идешь и плачешь, о чемъ больно тужишь?

Посмотрѣлъ Василій на старика.

— Ахъ, Никола Милостивый, какъ не тужить мнѣ: жену потерялъ... Мнѣ на нее хоть бы глазкомъ поглядѣть!

— Увидишь, сказалъ Никола.

Подаль Никола ему топоръ, велѣлъ рубить дубъ.

Срубилъ Василій дубъ. Изладилъ Никола изъ листьевъ и вѣтокъ коверъ-самолетъ, изъ верхушки сдѣлалъ самогудную скрипку. Далъ скрипку Василію въ руки. Оба стали на коверъ-самолетъ.

— Играй на верхніе лады! — сказалъ Никола.

Заигралъ Василій на верхнихъ ладахъ, — и они полетѣли.

Высоко летѣли надъ моремъ.

— Дѣдушка, не шире бараньей кожуры мнѣ кажется море! — удивился Василій.

— Ну, играй теперь на нижніе лады.

Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ, — сѣлъ коверъ-самолетъ у царскаго сада.

Слушай, Василій, — сказалъ Никола, — жена твоя выходитъ замужъ за королевскаго сына... Послѣднія минуты... Выйдетъ она сейчасъ въ садъ, веди ее сюда. Только знай: тутъ есть бесѣдка, въ бесѣдкѣ скамейка, не садись на скамейку, уснешь, не увидишь.

Василій ходилъ, ходилъ по саду, а ее все нѣтъ. Вошелъ въ бесѣдку, забылся и сѣлъ на скамейку. И уснулъ.

Вотъ вышла царевна на прогулку, заглянула въ бесѣдку—что за человѣкъ?—подошла поближе и узнала. Вспомнила царевна старопрежнее, любовь свою, обрадовалась. Но сколько его ни будила, никакъ не могла разбудить. Такъ и ушла.

Проснулся Василій, да скорѣй изъ бесѣдки.

— Дѣдушка родимый, что я надѣлалъ!

— Долго время она тебя будила, — сказалъ Никола, — еще разъ она выйдетъ на прогулку, карауль, не проспи!

И опять Василій ходитъ по саду, а ее все нѣтъ. И вотъ ровно какъ вѣтромъ придернуло его къ бесѣдкѣ, — зашелъ въ бесѣдку, сѣлъ на скамейку. И уснулъ.

И опять вышла царевна въ садъ и прямо въ бесѣдку. И долго будила. И будить, и плачетъ.

Ты больше меня никогда не увидишь.

А онъ спитъ.

Поплакала царевна и ушла домой.

Проснулся Василій, хватился, да поздно.

— Ну, дѣдушка, я самъ пойду за ней.

Никола далъ ему коверъ-самолетъ и самогудную скрипку.

— Попросись у царя поиграть, сказалъ Никола.

Съ дарами Николы вошелъ Василій въ царскія палаты. Тамъ пиръ, свадьбу играютъ—выдаютъ царевну за королевскаго сына. Поздоровался Василій съ царемъ не узналъ его царь—просить Василій поиграть въ свою музыку. Царь дозволилъ.

Разостлалъ Василій коверъ-самолетъ, взялъ въ руки скрипку, сталъ на коверъ.

Ваше царское величество, велите отворить окна и двери: моя музыка громко играетъ.

Растворили окна и двери.

И заигралъ Василій въ самогудную скрипку—всплакали самогудныя струны.

Подбѣжала къ нему царевна—захотѣлось ей поцѣловать его—подбѣжала царевна, стала на коверъ-самолетъ.

— Держись за меня крѣпче!—шепнулъ ей Василій.

И заигралъ высоко на верхнихъ ладахъ.

Тогда поднялся на воздухъ коверъ и, все равно какъ метлячекъ полевой, вылетѣлъ на волю.

Забили тревогу: кто изъ ружья, кто изъ пушки—мѣются, цѣляютъ, палятъ. Громъ гремитъ отъ пальбы, а достигнуть не могутъ высоко!

Залетѣлъ Василій съ царевной высотойю высоко—море подъ ними не шире бараньей кожуры.

„Кабы намъ сюда родного дѣдушку!“ вспомнилъ Василій.

Играй теперь на нижніе лады!—услышалъ Василій.

А Никола-то съ ними: онъ и на пиру у царя съ нимъ невидимо былъ.

Заигралъ Василій на нижнихъ ладахъ—стали спускаться на землю.

Ступайте теперь домой,—сказалъ Никола и далъ Василію тайно кремень и огниво:—чиркни трижды и будетъ помощь, да смотри, про кремень и плашку никому не сказывай!

Прощался Василій съ Николой, повелъ царевну домой.

Обрадовался отецъ сыну, а пуще того, что съ женою вернулся.

А тамъ у царя все разладилось. Королевскій сынъ, дѣлать нечего, уѣхалъ въ свое королевство. Опять потерялъ царь любимую дочь.

И собралъ царь своихъ приближенныхъ, говоритъ имъ:

— Не Василій ли хитникъ, не онъ ли увезъ царевну?

Говорятъ царю приближенные:

— Должно, что онъ, Василій Ломтевъ, никому больше.

Тутъ выискался опять Коть-и-Левъ и надоумилъ царя: самому ѣхать немедля въ Ломтевъ-городъ и испытать дѣло.

Послушалъ царь Котылева и на семи корабляхъ поплылъ за царевной.

Побѣждалъ народъ на пристань встрѣчать царя. А Василій запрягъ карету, встрѣтилъ тестя, и привезъ его въ свой домъ.

Обрадовался царь, что нашлась дочь, и пировалъ царь у зятя. А послѣ пира зоветъ его къ себѣ на житье.

Согласился Василій, попрощался съ отцомъ.

— Въ живности меня не будетъ, отпусти ты мою скотину на волю: моего козла, коня и корову.

Пообѣщавъ отецъ исполнить волю, проводилъ сына.

И вернулся царь въ полунощное царство, а съ нимъ царевна и Василій, и завелъ царь пиръ на весь міръ.

IV.

Узналъ королевичъ, что невѣста его за Ломтевымъ, обидно стало: собралъ онъ большую силу и пошелъ войной на полунощное царство съ царемъ воевать.

У царя силы тоже не мало, да снарядовъ нѣту: какія были пули, всѣ тогда разстрѣляли по ковру-самолету.

Выѣхавъ царь съ Василиемъ въ луга—застала королевская сила луга.

Говорить царь Василию:

— Что, милой сынъ, на чего намъ надѣяться?

Я на Бога надѣюсь, на Николу Милостиваго!—сказалъ Василій.

Вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два—до трехъ разъ, и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ, на какія работы?

— Сѣките силу безостаточно!—приказалъ Василій.

И не больше часу дѣло продлилось, ничего не осталось отъ королевской силы.

— Ну, зять, стоишь ты званія! — похвалилъ царь Василія.

Вернулись они во дворецъ. Истопила царевна баню.

— Мила ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала она пытаться у Василія.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу Милостиваго, — отвѣчалъ ей Василій.

Ночь прошла. Наутро смотритъ царь въ окно: черно, всѣ луга застланы — еще большую силу за ночь пригналъ королевичъ.

И опять выѣхалъ царь съ Василиемъ въ луга.

— Что, милой сынъ, на чего намъ надѣяться?

— Я на Бога надѣюсь, на Николу Милостиваго! — сказалъ Василій.

Вынулъ Василій кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ, и выскочили три ухорѣза.

— Что насъ покликалъ, на какія работы?

— Сѣките силу безостаточно! — приказалъ Василій.

И рѣшили силу за два часа.

Вернулся царь во дворецъ съ Василиемъ. Истопила царевна баню.

— Мила ладушка, чѣмъ ты орудуешь? — стала снова пытаться у Василія.

— Я на Бога надѣюсь, на Николу Милостиваго, отвѣчалъ ей Василій.

А царевна ну ластиться:

— Скажи, да скажи про ухорѣзовъ, откуда такіе, ухорѣзы?

Василій ей все и сказалъ.

— Есть у меня кремень и плашка, я ими и дѣйствую, — открылъ тайну Василій своей ладушкѣ.

Послѣ ласковой бани сладко спится,—крѣпко заснулъ Василій.

Осталась царевна одна и раздумалась: жалко ей королевича, погубилъ Василій его силу, и его самого погубить! Да долго не думая, и вытащила изъ кармана у Василя кремь и огниво, и приказала взять въ лавкѣ такой же кремь и огниво, тѣ спрятала, а эти положила на мѣсто.

А Василій спитъ, ничего-то не знаетъ.

Наутро смотритъ царь въ окно: есть въ лугахъ королевская сила, да не такая ужъ, больше старые да малые.

И въ третій разъ поѣхалъ царь въ луга съ Василюмъ.

И говоритъ Василій царю:

— У королевича силы не больно много. Хоть и немного, да сердце у меня сѣгодня слышитъ, едва ли мнѣ сѣгодня живу быть.

И вынулъ Василій кремь и огниво, чиркнулъ разъ и два—до трехъ разъ, а нѣтъ никого.

Нѣтъ никого, нѣтъ ухорѣзовъ.

— Ну, батюшка, поѣзжай домой, а мнѣ конецъ!—сказалъ Василій.

Тогда подбѣжала королевская сила. старые и малые, и изсѣкли его на мелкіе куски, собрали куски, зарыли и столбъ поставили.

А королевичъ вошелъ во дворецъ, взялъ царевну и увезъ ее въ свое королевство.

Заревѣла скотина Васильева: козель, конь и корова. И не можетъ отецъ ее никакимъ кормомъ уважить: все реветъ.

И догадался старикъ:

„Неужели сына нѣтъ въ живности!“

И выпустилъ ихъ на волю.

И пустились они, кто какъ могъ, и прямо на побойще къ столбу кровавому.

Говорить буренушка:

— Козель Козловичъ, вырывайте, и ты, лошадка, вырывайте, а я помчусь за живой водой!

Трое сутокъ трудились козель и конь, отрыли всѣ куски и кусочки, и собрали все вмѣстѣ, какъ есть человѣкъ.

Примчалась буренушка, фыркнула изъ лѣвой ноздри, — и куски срослись, фыркнула изъ правой ноздри — и Василий сталъ.

Помянуль онъ отца, что не забылъ обѣщанія, и скотинѣ спасибо сказалъ.

— Ну, родимая скотинушка, ты ступай къ моему родителю, а мнѣ итти некуда!

Побѣжала на радостяхъ скотина домой: козель, конь и корова. А онъ край моря пошелъ, куда глаза глядятъ.

V.

Идетъ Василий край моря и день, и другой, и третій — не три дня, три года. И показался ему старичекъ.

— Что, Василий, побѣдствовалъ?

— Ахъ, Никола Милостивый, мнѣ теперь ее во вѣкъ не видать!

— Увидишь, — сказалъ Никола и далъ ему ягоду, — на чего тебѣ подумается, тѣмъ ты и сдѣлаешься!

Василий съѣлъ ягоду, подумалъ на воробья, воробьемъ и сдѣлался. Воробьемъ и полетѣлъ. И прямо полетѣлъ въ королевство заморское къ королевичу.

Тамъ ударился о землю и сдѣлался опять молодымъ.

Идетъ Василий по городу мимо дворца королевскаго, мимо окошка царевны. Царевна въ окнѣ сидитъ. Признала Василия, схоронилась въ окнѣ.

И пошелъ Василий отъ дворца на край города.

Тамъ жила старуха, на краю города, нищая. Къ ней и зашелъ Василій.

Откудова? Какой молодецъ ты! поздоровалась старуха.

— Очень, бабушка, я дальній,—осмотрѣлся Василій, а бѣдно же ты живешь!

— По міру хожу.

Я тебя сдѣлаю богатой. Сослужи мнѣ службу. Пойдемъ вмѣстѣ на улицу, тамъ я обернусь жеребцомъ, а ты меня веди на базаръ продавать и возьми за меня сто рублей. Самъ королевичъ меня купитъ. Только уздечку не продавай, себѣ оставь. Купитъ меня королевичъ, заколетъ меня. И когда меня будутъ колоть, возьми ведра, стань съ ведрами подъ гортанью—хлынетъ кровь прямо въ ведра, и посѣй эту кровь передъ дворцомъ—вырастетъ садъ. А когда станутъ рубить этотъ садъ, возьми съ земли первую щепку и кинь ее въ море...

Вышелъ Василій со старухой на улицу и сталъ жеребцомъ. И повела старуха жеребца на базаръ.

Бдетъ королевичъ.

— Стой, старуха, продай жеребца.

Старуха продала жеребца, получила сто рублей и богатая, пошла домой.

А царевна все знаетъ, догадалась, что за жеребецъ.

— Если ты его не заколешь, ты меня не увидишь! — говоритъ королевичу.

И какъ ни жаль королевичу, велѣлъ заколотъ жеребца.

Вывели жеребца на площадь передъ дворцомъ, свалили колоть.

Услыхала старуха, вспомнила, и пошла съ ведрами на площадь, поставила ведро коню подъ горло.

— Что вы дѣлаете, жеребца такого колоть? — жалко стало старухѣ коня.

— Хозяева приказали, такъ что намъ!—отвѣчали работники, да какъ рѣзануть его по горлу, кровь такъ и хлынула, и прямо въ ведра.

Старуха набрала полны ведра и разсѣяла кровь передъ дворцомъ.

Поутру смотритъ королевичъ, а около дворца—садъ.

А царевна все знаетъ, догадалась, какой это садъ.

Садъ если ты не вырубишь, меня не увидишь! — сказала она королевичу.

— Коня мнѣ жалко, а сада еще жалъчѣе, садъ больно хорошъ!—говоритъ королевичъ.

А она стоитъ на своемъ:

— Если не вырубишь, меня не увидишь!

И покорился ей королевичъ, велѣлъ вырубить садъ.

Услыхала старуха, вспомнила, потащилась на рубку.

— Что вы тутъ съ топорами пришли,—говоритъ работникамъ,—такой чудесный садъ рубить?

— Хозяева приказали, такъ что намъ!

И какъ стали рубить, изъ перваго дерева вылетѣла щепка наодалъ, старуха подняла щепу и кинула ее въ море.

И сталъ изъ щепы селезень—всякое перышко въ золотѣ.

Плавалъ селезень по морю. Выходилъ народъ къ берегу, смотрѣлъ на диковинку. А царевна все знаетъ, догадалась, что за селезень.

— Застрѣли,—кричитъ королевичу,—застрѣли селезня, а не то не увидишь меня никогда!

Вотъ и вышелъ королевичъ на море и увидѣлъ селезня. А селезень къ краю плыветъ, покрякиваетъ. И захотѣлось королевичу такъ поймать, живьемъ. Снял онъ съ себя все, вошелъ въ воду и ну селезня руками ловить.

А селезень нырнетъ отъ него—и къ нему: манить въ глубь.

Королевичъ и сталъ тонуть.

Селезень тогда вспорхнулъ на берегъ и сдѣлался молодцомъ.

Вынулъ Василій изъ королевскаго платья кремень и огниво, чиркнулъ разъ и два — до трехъ разъ, и выско-
чили три ухорѣза.

Что насъ покликалъ, на какія работы?

— Сожгите весь городъ, только оставьте дворецъ да избушку старухину!—приказалъ Василій.

И подожгли ухорѣзы,—у! какъ загорѣлось!

Съ берега смотрѣлъ Василій на огненное царство.

И показался ему старичекъ: шелъ старичекъ къ огню.
велъ царевну черезъ огонь.

— Ахъ, Никола Милостивый!—взмолился Василій.

А старичекъ подвелъ къ нему царевну.

И огонь погасъ.

И благословилъ ихъ Никола Милостивый Чудотворецъ на новую жизнь жить вѣрно въ любви.

Василій съ царевной вернулся въ полунощное царство и стали они жить и быть. И по смерти царя, наступилъ Василій Ломтевъ въ полунощномъ царствѣ царемъ.

Свѣча воровская.

Жиль-быль одинъ человѣкъ, а время было трудное, вотъ онъ и задумалъ себѣ промыслить добра да недобрымъ дѣломъ: что у кого плохо лежитъ—не обойдетъ, припрячетъ, а то закупить дряни какой, выйдетъ купцомъ на базаръ и такъ заговоритъ ловко, такъ выкрутитъ, совсѣмъ тебя съ толку собьетъ и втридорога сбудетъ,—одно слово, воръ.

И всякій разъ, дѣло свое обдѣлавъ, Николѣ свѣчку несетъ.

Понаставилъ онъ свѣчей, только его свѣчи и видно.

И пошла молва про Ипата, что по усердію своему первый онъ человѣкъ и въ дѣлахъ его Никола ему помощникъ. Да и самъ Ипатъ-то увѣрился, что никто, какъ Никола.

И однажды хапнулъ онъ у сосѣда, да скорѣй наутекъ для безопасности. А тамъ, какъ на грѣхъ, хватились, да по слѣдамъ за нимъ вдогонку.

Бѣжалъ Ипатъ, бѣжалъ, выбѣжалъ за село, бѣжитъ по дорогѣ—вотъ-вотъ настигнуть, и попадаетъ ему навстрѣчу старичекъ, такъ, нищій старичекъ, побиральщикъ.

— Куда бѣжишь, Ипатъ?

Ой, дѣдушка, выручи, не дай пропасть, схорони: настигнуть, живу не бывать!

— А ложись,—говорить старичекъ, вона въ ту канавку.

Ипатъ въ канаву, а тамъ лошадь дохлая. Онъ подъ лошадь, въ брюхо-то ей и закопался.

Бѣгутъ по дорогѣ люди и прямо по воровскому слѣду, а никому и не вдомекъ, да и мудрено догадаться: канавка хоть и не больно глубока, да дохлятину-то разнесло, что гора.

Такъ и пробѣжали.

Ипатъ и вышелъ.

А старичекъ тутъ же на дорогѣ стоитъ.

— Что, Ипатъ, хорошо тебѣ въ скрыти-то лежать?

— Ой, дѣдушка, хорошо,—чуть не задохнулся!

— Ну, вотъ, видишь, задохнулся! —сказалъ старичекъ, и сталъ такой строгій,—а мнѣ, какъ думаешь, отъ твоихъ свѣчей слаще? Да свѣчи твои, слышишь, мнѣ, какъ эта падалъ! —и пошелъ такой строгій.

Каленные червонцы.

ель мужикъ лошадь продавать и хвалился:

Кого хошь обдую, и умника и простого и святого, кого хошь!

И только это сказалъ онъ, а ему старичекъ навстрѣчу.

Продай лошадку-то!

Посмотрѣлъ на него Кузьма, — такъ, старикъ не изъ годящихся и разговаривать-то съ такимъ — время терять.

Купи.

— А сколько?

— Сто рублей.

— Да что-ты, креста на тебѣ что ли нѣтъ? Конь-то твой былъ конь, да съѣзженъ, десятки не стоитъ.

— Ну, и проваливай, — огрызнулся Кузьма, — не по тебѣ цѣна, не для тебя и конь! — и пошелъ.

И старичекъ пошелъ, ничего не сказалъ, да остановился, что-то подумалъ и ужъ догоняетъ.

— Уступи!

А тотъ молчить.

— Уступи, хоть сколько, — просить старикъ, не отстаетъ.

И вотъ-вотъ двинетъ его Кузьма: надоѣло.

— Ну, ладно, коли ужъ такъ надо, бери сто! — сказалъ старикъ и высыпалъ ему на ладонь червонцы, а самъ сѣлъ на лошадь и прощай.

У Кузьмы въ глазахъ помутилось — червонцы!

И хотѣлъ онъ ихъ въ карманъ спрятать, а никакъ и не можетъ съ ладони ссыпать: пристали къ ладони, не отлипають. Бился, бился, а ничѣмъ не отдерешь, и жжетъ.

Отъ боли завертѣлся Кузьма и ужъ едва до дому добрался.

И дома мѣста себѣ не находитъ — жгутъ червонцы. Извелся весь. Ужъ кается, да ничего не помогаетъ: жгутъ червонцы, какъ угли каленые.

И вотъ совсѣмъ обезсилѣлъ и заснулъ.

И приснился ему сонъ.

„Иди, — говорить, — той дорогой, по которой шель продавать лошадь, встрѣтишь того старика, покупай назадъ лошадь. Сколько ни спросить старикъ, давай“.

Очнулся Кузьма. Чуть свѣтъ вышелъ на дорогу, — на свѣтъ ему поднять глаза трудно, и жжетъ.

А старикъ-то и ѣдетъ.

Поклонился онъ старику.

— Продай, дѣдушка, лошадь-то!

Смотритъ старикъ, не признаетъ.

— Лошадку-то продай, дѣдушка, мою! — едва слова выговариваетъ несчастный.

Десять рублей, — сказалъ старикъ.

— Бери сто.

— Зачѣмъ сто? Десять, — и поѣхалъ.

Кузьма стоитъ на дорогѣ, въ пору волкомъ завывать.

Старику-то, видно, жалко стало, и вернулся.

— Ну, давай ужъ сто.

Обрадовался Кузьма, и въ ту же минуту отлипли червонцы, такъ и зазвенѣли, каленые, о холодный камень. Нагнулся, собралъ въ горсть, глядь, а передъ нимъ старичекъ-то, какъ попъ въ ризахъ.

— Батюшка, Никола Угодникъ!

А старикъ стоитъ, и такъ смотритъ: броватый такой, кротно.

— Прости, родненькій!

— Ну, иди съ Богомъ, да не обманывай! — сказалъ старикъ и какъ не было.

И червонцы пропали, только лошадь одна.

Ремезъ-птица.

Былъ ремезъ не такой малый, былъ ремезъ больше всѣхъ птицъ, а звонкая, звонче во всемъ бору не было птицы. Тучей подходилъ ремезъ къ городу, громкимъ громомъ ступалъ на свой широкій дворъ, и былъ онъ всѣхъ озорнѣе и всѣхъ обижалъ, и всѣ его страсть какъ боялись.

Вотъ ѣхалъ разъ въ зимнюю пору Никола Угодникъ, ѣдетъ себѣ лѣсомъ, поспѣшаетъ на угодное дѣло. А въ лѣсу шаловаль ремезъ, да какъ вылетитъ на дорогу, да какъ свистнетъ перепугался конь Николинъ, рванулъ: сани на бокъ и прямо въ снѣгъ.

Поднялся Никола, пошелъ къ Господу Богу: большая была досада на птицу.

Я, Никола, я Твой угодникъ, — сказалъ милостивый Никола Господу Богу, — и на что попускаешь разбойнику этому: всѣхъ обижаетъ, коня моего напугалъ, Сивку!

И просить у Бога управы на птицу.

И внялъ Богъ, покаралъ шаловатую птицу — отнять отъ ремеза силу, а перья его роздалъ птицамъ на прибывъ роста, и сталъ ремезъ такою малою птицей.

И нынче у всякой птички, у всякой пичужки есть перышко, хоть малое, отъ ремеза-птицы, и за то ее всѣ любятъ, и за то она первая птица — ремезъ.

З а д а ч а.

иль - былъ попъ благочестивый Наркисъ. Всякаго въ приходѣ своемъ Никольскомъ зналъ попъ въ глаза и о всѣхъ имѣлъ заботу. И всѣ шли къ попу съ своими горями и бѣдами, — любили попа.

А былъ попъ Наркисъ вдовый и только-что въ заботахъ и находилъ себѣ покой въ своей вдовой долѣ. Да была у него дочь Зинаида, въ городѣ училась, въ училищѣ, и о ней попъ когда говорилъ, то всѣмъ становилось весело.

Приѣдетъ на праздникъ къ отцу Зинаида, тоненькая такая и голосъ тихій, а какъ начнетъ ввечеру догматики знаменнымъ распѣвомъ пѣть на разные гласы, до слезъ пройметъ.

Слушаетъ попъ Наркисъ Зинаиду и самъ пѣть примется.

И до того въ домѣ у нихъ хорошо да привѣтливо, зайдетъ ли кто посидѣть, поговорить съ попомъ по душѣ, и уйдетъ домой, какъ и горя не было.

Ну, а бѣсамъ это и непріятно: имъ непременно, что разъ ты попомъ сдѣлался, такъ изволь все наоборотъ, — и попить, и буянить, и чтобы въ карты и худыми дѣлами всякими заниматься на соблазнъ людямъ и осужденіе. И возненавидѣли бѣсы попа Наркиса и затѣяли проучить его по-своему, чтобы былъ имъ попъ слугою вѣрнымъ.

И вотъ на святкахъ, въ полночь, когда попъ, окончивъ спальныя молитвы, собирався укладываться, ворвались они къ нему въ домъ и пошелъ по покоямъ и на кухнѣ и стукъ и шумъ.

Отдавай, говорятъ,—дочь Зинаиду, а не то силой возьмемъ!

Перепалъ попъ, не знаетъ, что съ ними и дѣлать, и одно просить—потерпѣть до слѣдующей ночи, чтобы подумать.

Бѣсы согласились. Имъ пока и того довольно, что заробѣлъ попъ: извѣстно, съ заробѣлымъ человѣкомъ что хочешь, сдѣлать можно, на какую угодно гадость толкнуть заробѣлаго-то можно, до петли довести и совсѣмъ безъ подпиха.

— Старайся, ребята, сказалъ бѣсъ главный бѣсамъ, — попъ Наркисъ ужъ на половину нашъ, а завтра будетъ нашъ съ головкой!

И отошли бѣсы.

А попъ, какъ очнулся, сталъ на молитву и молилъ у Бога, просилъ Николу вразумить его, оградить отъ бѣсовъ любимую дочь его Зинаиду. И до утра все молился, да такъ на молитвѣ, стоя, и задремалъ.

И вложилъ ему въ умъ Никола Угодникъ:

„Явится къ тебѣ дьяволъ, задай ему задачу, чего онъ справить не можетъ, да пѣтушка припаси на случай“.

Пошелъ попъ въ церковь, а самъ все думаетъ, какая такая задача бѣсу не подъ силу, думалъ, думалъ, да осмотрѣлся и надумалъ.

И когда въ полночь они снова явились со стукомъ, громомъ и шумомъ:

— Отдавай намъ свою дочь Зинаиду!

Попъ Наркисъ имъ отвѣтилъ:

— Если вы, бѣсы, можете до свѣта соорудить церковь, я вамъ отдамъ дочь.

Загреготали бѣсы:

„Эка, попъ-то глупый! Они и не такое мигомъ срабotaють, а то церковь до свѣта!“

А главный бѣсъ говоритъ Наркису:

Покажите намъ, батюшка, мѣсто.

Попъ съ ними вышелъ на улицу, указалъ, гдѣ строить, а самъ въ домъ вернулся.

И закипѣла работа.

И куда еще до разсвѣта, а ужъ церковь до потолка поставлена и иконостасъ готовъ!

Бѣсы старались, работали, а попъ съ пѣтушкомъ ладилъ, чикуталъ ему подъ бородушкой его шелковой, чтобы очхнулся пѣтушокъ и запѣлъ.

И къ свѣту ближе пѣтухъ запѣлъ.

И рухнула церковь безкрестная и, кто куда, разсѣялись бѣсы.

Такъ ничего и не взяли.

А попъ Наркисъ еще тверже сталъ въ своей жизни— въ заботахъ, бѣсамъ на пущую досаду.

Заря перегорѣлая.

ало мы чего знаемъ и понятіемъ, къ чему что, не больно богаты, а помолчать, когда чего не знаемъ, на это насъ нѣтъ.

Пахаль Антонъ пашню, измаялся. И вечеръ сталъ, заря перегорѣла, а Антонъ все пашетъ. И попадаетъ ему навстрѣчу старичекъ: смотреть куда-то, будто о чемъ задумалъ.

— Скажи, говорить, Антонъ, къ чему это заря перегораеть?

— Да къ ненастью, старинушка, отвѣтилъ Антонъ.

Старичокъ его за руку, да черезъ оглоблю, перевель черезъ оглоблю, оборотилъ конемъ и ну на немъ землю пахать.

Перегорѣла заря, звѣзды небо усѣяли, мѣсяцъ вонъ-а гдѣ сталъ, когда кончилъ старичокъ пахать,—а это самъ Никола былъ Угодникъ. И ужъ еле поплелся Антонъ съ поля домой.

На другой день пашетъ Антонъ, и опять ему старичокъ навстрѣчу.

— Ну, Антонъ, къ чему заря перегораеть?

А день стоитъ свѣтлый да теплый.

Тутъ Антонъ— вчерашнее-то ему ой какъ засѣло!— и повинился, что не знаетъ.

То-то, не знаешь, а коли чего не знаешь, о томъ помолчи!—сказалъ старичекъ и пошелъ.

Пошелъ Угодникъ уму-разуму учить насъ, на думу лѣнивыхъ, гнѣвный, карать неправду, милостивый, — жалѣть, и собирать насъ, разбродныхъ.

Глухая тропочка.

или сосѣди, два охотника, и такіе пріятели, водой не разольешь, ходили за охотой, тѣмъ и жизнь свою провождали.

Идутъ они разъ лѣсомъ, глухой тропочкой, повстрѣчался имъ старичекъ. И говоритъ имъ старичекъ:

— Не ходите этой тропочкой, охотники.

— А что, дѣдушка?

— Тутъ, други, черезъ эту тропочку лежитъ змѣя превеликая, и нельзя ни пройти, ни проѣхать.

— Спасибо тебѣ, дѣдушка, что насъ отъ смерти отвелъ.

Старикъ пошелъ не узнали, за простого человѣка сочли, а это былъ самъ Никола милостивый угодникъ.

Постояли охотники, подумали.

— А что,-- говорятъ,—намъ какая вещь, змѣя! Не съ пустыми руками, эвона добра-то! Какъ не убить змѣю?

Не послушали старика, пошли по тропочкѣ и зашли въ чащу дремучую. А тамъ привеликій бугоръ казны на тропочкѣ.

И разсмѣхнулись пріятели:

— Вонъ онъ что, старый хрѣнъ, наказывалъ! Кабы мы послушали его, онъ бы казну и забралъ себѣ, а теперь намъ ея не прожить!

Сѣли и думаютъ, что дѣлать: ужъ больно велика казна, на себѣ не дотащишь.

Одинъ и говоритъ:

Ступай-ка, товарищъ, домой за лошадью, на телѣгѣ ее и повеземъ, а я покараулю. Да зайди, братъ, къ хозяйкѣ къ моей, хлѣбца кусочекъ привези, ѣсть что-то хочется.

Пошелъ товарищъ домой, приходитъ домой, да къ женѣ:

Тутъ-то, жена, что намъ Богъ-то далъ!

Чего далъ?

Кучу казны привеликую: намъ не прожить, да и дѣтямъ-то будетъ и внучатамъ останется. Затопи-ка поживѣ печь, замѣси лепешку на ядѣ, на зельѣ. Надо: пріятеля угощу.

Ну, баба смекнула, ждать себя не заставила: живо лепешка поспѣла на ядѣ, на зельѣ. Завернула лепешку, положила ему въ сумку. Запрягъ онъ лошадь и поѣхалъ.

А товарищъ тамъ, сидючи надъ золотой кучей, о своемъ раздумался, зарядилъ ружье и думаетъ:

„Вотъ какъ пріѣдетъ, я его и хлопну—всѣ деньги-то мои и будутъ! А дома скажу, что не видѣлъ его!“

Подѣзжаетъ къ нему пріятель, тутъ онъ прицѣлилъ, да и хлопъ его, а самъ къ телѣгѣ, да прямо въ сумку, проголодался очень,—лепешечки поѣлъ и тоже свалился.

А казна такъ и осталась никому.

Заяцъ съѣлъ.

Хорошъ былъ для міру кузнецъ: въ кузницѣ работалъ, за работу ни съ кого не бралъ, кто что дастъ только. За своего пошелъ кузнецъ среди бѣдныхъ людей, всѣ его очень любили: узнали и чужестранные, стали ѣздить на праведнаго кузнеца посмотрѣть. И жилъ кузнецъ хорошо и спокойно, ни въ чемъ нужды не зналъ и всѣмъ былъ доволенъ.

Вотъ и приходитъ къ нему разъ старичекъ какой-то. Это самъ Никола угодникъ пришелъ испытать его.

Что, говоритъ, кузнецъ, какъ ты работаешь, за какую работу что берешь?

Кто что дастъ.

— Какая это твоя работа! Пойдемъ со мной, я лѣкарь. И брать ничего не будемъ, а денегъ большихъ добьемся.

Подумалъ кузнецъ, подумалъ, чего же не пойти, коли такое дѣло: и міру польза и душѣ не обида. И согласился.

И они пошли.

А взяли они съ собой въ дорогу одинъ кошель съ хлѣбомъ, а хлѣба тамъ всего-то по такому кусочку. Старикъ ходко идетъ, и хоть-бы что, а кузнецъ едва ужъ ноги тащить: и усталъ, и ѣсть захотѣлъ. Наконецъ-то старичекъ вздумалъ сѣсть отдохнуть.

Тутъ кузнецъ за кошель, развязалъ кошель, вынулъ по кусочку. Старичекъ и къ хлѣбу не притронулся, въ

кошель назадъ положилъ, всталъ себѣ, да въ сторонку, за хворостомъ, хворостъ посбирать. А кузнецъ весь хлѣбъ свой съҖлъ—ѣсть еще больше хочется, съҖлъ и стариковъ хлѣбъ, да, чтобы концы въ воду, кошель и закинулъ, легъ и заснулъ.

Будить старичекъ:

— Гдѣ, говоритъ, кошель?

— Не знаю.

— Гдѣ хлѣбъ?

Гляди, заяцъ съҖлъ!

Заяцъ, такъ заяцъ, ничего не подѣлаешь.

Смотрить старичекъ. И хочется кузнецу правду сказать, да какъ сказать: вѣдь всего этакій кусочекъ съҖлъ!

— Ну, ладно,—сказалъ старичекъ,—пора за дѣло. Пойдемъ къ морю, за моремъ царь живетъ, у царя дочь больна, вылѣчимъ царевну.

И дошли они до моря, а лодокъ нѣтъ. Айда по морю. Кузнецъ едва поспѣваетъ. Середь моря зашли, сталъ старичекъ.

— Кузнецъ, ты съҖлъ мою долю?

— Нѣтъ!—и сталъ кузнецъ по колѣно въ водѣ.

— Не ты?

— Нѣтъ.

Старичекъ посмотрѣлъ. А у кузнеца сердце упало: признаться бѣ, да какъ признаешься: вѣдь всего этакій кусочекъ!

— Ну, пойдѣмъ.

Вышли они на берегъ и сказались, что лѣкаря: нѣтъ ли больныхъ гдѣ?

— У царя,—говорять,—три года царевна хвораеть, никто не могъ вылѣчить.

Донесли царю. И сейчас же царь пришлыхъ лѣкарей призвалъ.

— Можете вылѣчить дочь?

Можемъ, — сказалъ старичекъ, — отведи намъ особу комнату на ночь, да изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. Наутро за одну ночь здрава будетъ.

Отвелъ имъ царь комнату, самъ и воды принесъ. И остались они съ хворой царевной.

Старичекъ разрѣзалъ ее на-четверо, разложилъ куски, перемылъ водой, и опять сложилъ, водой sprysнулъ, — царевна здрава стала.

Кузнецъ глядитъ, глазамъ не вѣритъ.

Наутро стучитъ царь съ царицей.

— Живы ли?

Живы.

— Ну, слава Богу.

Взялъ царь лѣкарей въ свою главную палату, угостилъ ихъ и открылъ передъ ними сундуки съ казной: одинъ сундукъ съ мѣдью, другой съ серебромъ, третій съ золотомъ — бери, сколько хочешь!

Что, спрашиваетъ старичекъ кузнеца, доволенъ деньгами?

— Доволенъ, говоритъ, — доволенъ.

— И я доволенъ.

Прощались съ царемъ и пошли изъ дворца, понесли казну большую.

— Пойдемъ, — сказалъ старичекъ, — теперь къ купцу, купцова дочка хвораетъ, вылѣчимъ ее, еще больше денегъ дадутъ.

А купецъ ужъ идетъ, кланяется.

Вылѣчите, дочь больна!

--- Вылѣчимъ, сказалъ старичекъ, — отведи намъ особу комнату на ночь, изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды. Наутро за ночь здрава будетъ.

Натаascalъ купецъ воды, привелъ дочь, оставилъ съ ними.

Старичекъ говоритъ кузнецу:

— Видѣлъ, какъ я дѣлалъ?

— Видѣлъ.

— Ну, дѣлай, какъ я.

Кузнецъ разрѣзалъ купцову дочь, а сложить не можетъ. И до разсвѣта бился, ничего не выходитъ. Старичекъ видитъ, кузнецово дѣло плохо, взялъ, сложилъ куски, водой спрыснулъ — стала купцова дочка здрава.

Стучитъ отецъ.

Живы ли?

— Живы.

— Ну, слава Богу.

И угостилъ ихъ купецъ и денегъ далъ. Старичекъ за деньги не брался, а бралъ кузнецъ и напихалъ полную пазуху бумажекъ, фунтовъ десять.

— Довольны?

— Довольны, хозяинъ.

Простились съ купцомъ и пошли къ Волгѣ въ кузнецово село.

Старичекъ и говоритъ:

— Давай, кузнецъ, деньги дѣлить. Я отъ тебя уйду, а ты домой ступай.

И началъ кузнецъ раскладывать казну на двѣ кучки — тому кучка и другому кучка. Самъ раскладываетъ, а самому такъ глаза и жжетъ, вотъ подвернется рука и себѣ переложить.

— Что, кузнецъ, раздѣлилъ?

Раздѣлилъ.

Поровну?

— Поровну.

— Ты у меня не укралъ ли?

— Нѣтъ.

— Бери себѣ всѣ деньги, только скажи мнѣ: это ты тогда съѣлъ кусочекъ или заяцъ?

— Я не ѣлъ твой кусочекъ! и сталъ кузнецъ по колѣна въ землѣ.

— Скажи, не ты ли? Деньги мнѣ не надо, все твое.

— Нѣтъ! — и сталъ кузнецъ въ землѣ по шейку.

— Когда ты неправду говоришь, такъ провались ты въ преисподнюю отъ меня!

Кузнецъ и провалился, и деньги за нимъ пошли.

С м е т а н а.

Попъ Никаноръ только и гадалъ съ попадьей, какъ бы дочь повыгоднѣе устроить, выбрать себѣ поладнѣе зятя, мѣсто ему передать и самимъ жить на покоѣ.

Ѣздили въ домъ къ попу женихи, и ни одинъ не былъ по сердцу. Одинъ былъ поповой дочкѣ милъ поповъ работникъ.

И, узнай о томъ попъ, проклялъ бы дочь, да и мать не больно потакнула бы.

Тайно отъ отца, отъ матери они о своемъ гадали, какъ имъ въ любви своей жизнь устроить.

Попова дочка работника всякій день сметаной прикармливала. Принесетъ ему въ его каморку, поластится, пока тотъ ѣстъ, и пойдетъ опять къ себѣ.

До сметаны-то Ѳедоръ большой былъ охотникъ.

И дозналась попадья, что стала пропадать сметана, а куда дѣвается, не знаетъ: и на того думала и на другого, нѣтъ, не знаетъ навѣрно, и говорить попу:

— Чтой-то у насъ, отецъ, сметана теряется!

— А ты, мать, накопи ведерко, я въ церковь снесу на сохраненіе, тамъ никто не съѣстъ.

Накопила попадья ведерко, снесъ попъ сметану въ церковь, поставилъ передъ образомъ Никола Святителя, заперъ церковь и понесъ домой.

А работникъ безъ сметаны-то и возропталъ.

— Ахъ,—говорить,—любущка, что ты меня и сметанкой-то нынче не полакомишь!

— Да откуда я возьму! Папаша сметану въ церковь снесъ, къ Николѣ поставилъ на сохраненіе.

— А достань мнѣ хлѣба да ключи, я самъ тамъ управлюсь. До сметаны-то Ѳедоръ большой былъ охотникъ.

Ну, она ему и хлѣба принесла и ключи, онъ и отправился въ церковь. Наѣлся тамъ всласть, все ведерко слопалъ, да чтобы концы схоронить, взялъ да у иконы Святителя на ликѣ-то усы и вымазалъ, и на бороду накапалъ, и на грудь накапалъ. Заперъ церковь и пошелъ домой, самъ облизуется:

„Ужъ то-то сметана-то вкусная!“

Подошла суббота, пошелъ попъ Никаноръ въ церковь всенощную служить, да какъ взглянетъ на икону, а икона-то вся въ сметанѣ, а ведро пусто.

А вотъ оно что! Грѣшилъ на того и другого, а эво кто сметану-то ѣсть! да икону обѣ полъ.

Икона и раскололась.

Попъ схватилъ ведро и домой, забылъ и про всенощную.

— Ну, мать, я Николу раскололъ, сметану ѣсть: только ротъ закрыть поспѣлъ, утереться не могъ, весь въ сметанѣ.

Не ладно ты сдѣлалъ, отецъ, испугалась попадья, икону раскололъ, тебя разстригутъ! и давай попа отчитывать.

Попъ и опомнился и понялъ, что неладно онъ сдѣлалъ, и ужъ ничѣмъ не поправишь.

Испеки мнѣ, мать, подорожниковъ, я лучше сбѣгу.

И какъ ни уговаривала попадья, не послушалъ попъ—куда ему теперь, все равно разстригутъ!—сталъ на своемъ:

— Сбѣгу да сбѣгу.

И напекла ему попадья подорожниковъ и пошелъ попъ, куда глаза глядятъ.

Шелъ попъ Никаноръ по дорогѣ,—подорожники его прибрались, самъ изодрался весь, изрванился,—шелъ попъ, кричалъ къ Богу:

— Пропалъ я, пропалъ совсѣмъ!

И увидѣлъ Никаноръ, идетъ ему навстрѣчу старичекъ такой бѣлый.

Поровнялся старичекъ съ попомъ.

— Куда, попъ, пошелъ?

А Никаноръ ему все и рассказалъ: и какъ съ попадьею гадали дочь устроить, чтобы самимъ на покоѣ жить, и какъ сметану поставилъ въ церкви передъ иконою, и какъ Никола сметану съѣлъ, и за то раскололъ онъ икону, и идетъ теперь, куда глаза глядятъ.

— Пропалъ я, пропалъ совсѣмъ!

Слушалъ его старичекъ ласково.

Иди домой, попъ, —сказалъ старичекъ, —икона-то цѣла, не разстригутъ тебя. Только не говори напередъ, будто сметану я съѣлъ, сметану съѣлъ твой работникъ Федоръ. А ты придешь домой, работника-то не наказывай, а жени его на своей дочери, — это счастье ихъ. Да знай, только въ ихъ счастье и себѣ покой найдешь, и старухѣ своей! — и благословилъ попа пропащаго и пошелъ себѣ дорогою Милостивый Угодникъ нашъ.

Д о л я.

В халъ казакъ къ царю съ вѣстями, везъ царю три слова: первое слово о помощи Божьей, второе измѣна, третье—надежду.

Вдетъ онъ ночью лѣсомъ. Отъ дерева до дерева свѣтятъ ему звѣзды. И видитъ: подъ елью что-то бѣлѣтъ. И конь почуялъ: непростое.

Подѣхалъ казакъ поближе, смотреть: сидитъ старикъ подъ елью и вяжетъ лыко, старый-престарый такой.

— Что это ты тутъ, дѣдушка, дѣлаешь?— остановился казакъ.

Али ослѣпъ? Лычко вяжу, — сказалъ старикъ.

— А для чего тебѣ лыко вязать?

— А вяжу я лычко, вяжу долю людскую.

— Лыко худое вяжешь съ добрымъ...

А такіе люди на свѣтѣ: одни добрые, другіе худые. И надо соединить ихъ, чтобы худые были съ добрыми, а добрые съ худыми.

— А зачѣмъ же такъ?

— А затѣмъ, чтобы шла жизнь на землѣ: соедини ты худыхъ съ худыми, и всякая жизнь прекратится, а соедини однихъ добрыхъ, и Бога забудутъ.

— Дѣдушка, кто ты такой?

— Да я, сынокъ. Никола.

Казакъ слѣзъ съ коня.

Помолись за насъ, Милостивый Никола!
И старичекъ поднялся.

Ну, поѣзжай, казакъ, съ миромъ.

И казакъ поѣхалъ.

Ѣхалъ казакъ всю-то ночь по звѣздамъ, везъ царю
три слова, а четвертое слово — самое большое — милость
Николы.

За родину.

Три стороны тебѣ воля, — иди, куда хочешь, гуляй во всю, а въ четвертую—родную сторону ни пò-ногу, своихъ не трожь, за родину проклянетъ народъ.

Гуляль Степанъ, разбойничаль вострая сабля въ рукахъ, за плечами ружье, охотничаль разбойничекъ: дикая птица, двуногая, съ руками, съ буйной головой добычей была. Ухачи, воры—товарищи. Гдѣ что попадалось, все тащилъ, зря не бросалъ и не проглядывалъ, что висло висѣло. И былъ у него большой домъ—таборъ разбойный, и хлѣба, и одежды и казны вдоволь, полны мѣшки серебра. Съ молоду было—лизнулъ онъ камень завѣчный и все узналъ, что на свѣтѣ есть. И не зналъ ужъ страха, и не было на свѣтѣ того, кто бы погубить его могъ. И Саропскій лѣсъ приклонился передъ нимъ къ землѣ.

Гуляль Степанъ, разбойничаль, Турецкое царство разбилъ; Азовское море и море Каспійское въ грозѣ держалъ. И полюбилъ народъ Разина за гульбу и вольность его: отместитъ разбойничекъ обиду народную!

Ночь ли темная, или напрасная кровь замутили вольную разбойную душу, нарушилъ Степанъ завѣтъ родителейъ, пошелъ на своихъ, своихъ сталъ обижать—не пройти, не проѣхать по Волгѣ, замаялъ. И вышелъ у народа изъ вѣры.

Три стороны тебѣ воля, — иди, куда хочешь, гуляй во всю, а въ четвертую — родную сторону ни по-ногу, своихъ не трожь, за родину не простить, проклянуть народъ.

Вотъ онъ съ разбою ѣхалъ по Волгѣ. Никто его не встрѣчаетъ, одинъ страхъ стоитъ по Волгѣ. Мимо Болгаръ проѣзжалъ, про прежнюю вспомнилъ — про свою первую пощаженную встрѣчу. Что-то скучно ему...

„Дай къ ней зайду!“

Вышелъ Степанъ изъ лодки, завернулъ къ купцову полукаменному дому было когда-то въ домѣ веселье, знавалъ и разгулку.

Отворила дверь сама Маша. Смотрить, глазамъ не вѣрить — Стенюшка ли это милый?

— Что, Егоровна, али старъ ужъ сталъ? Съ Жегулиной горы гость къ тебѣ.

Посидѣли молча. И вспоминать не надо.

— Что-то мнѣ скучно, Маша.

А она только смотреть. Вспоминать не надо! И вспомнила, обиду вспомнила и простила, за себя простила, и другую вспомнила обиду — и не простила.

— Истопи мнѣ, Машенька, баню, какъ бывало.

— Ладно! — и хотя бы глазомъ моргнула, какъ камень.

Истопила Марья баню, снарядила въ послѣдній разъ дружка, а сама на село.

— Стенька парится въ банѣ! — кричала на все село.

Взбулчалъ старшина, нарядили народу — кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косой, кто съ ружьемъ.

Тамъ гвалъ, тутъ гамять.

— Давай его сюда!

— Иди къ нему!

— Чего глядишь-то!

— Тащи его!

А ни съ мѣста.

А проходилъ селомъ странникъ, старичекъ такой бѣлый.

— Что у васъ за сходка?—спрашиваетъ старикъ.

— Хотимъ Стеньку изловить.

Посмотрѣлъ старикъ, покачалъ головой.

Гдѣ вамъ, братцы, его пымать! Развѣ мнѣ...

Поумолкли.

Снялъ старикъ шапку, три раза перекрестился и пошелъ къ купцову полукаменному дому, подошелъ къ банѣ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Степанъ!

Громко отвѣтилъ Стенька:

Эхъ ты, старый хрѣнь! Не далъ ты мнѣ помыться.

А ужъ значить судьба, дѣлать нечего, сталъ собираться.

И вышелъ Степанъ изъ бани. Поглядѣлъ на всѣ стороны, перекрестился и пошелъ за старикомъ.

Тихимъ голосомъ сказалъ старикъ:

— Старшина, давай подводу!

Не галдѣлъ народъ. Какъ стояли, такъ и замерли—кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косою, кто съ ружьемъ.

Посадилъ старикъ разбойника въ телѣгу, самъ впереди сѣлъ—и съ Богомъ. /

Такъ и привезъ въ городъ.

— На-те вотъ вамъ разбойника Стеньку Разина въ казематъ.

Сбѣжался народъ. Топчутся, не знаютъ какъ и подступить.

Исправникъ говоритъ:

--- Надо въ желѣзо его сковать.

Побѣжали за кандалами. Принесли кандалы. Заковалъ его кузнецъ.

Стенька потрянулъ ногой, и желѣзы прочь полетѣли.

— Глупые, не поможетъ тутъ желѣзо, дайте я его свяжу!

Взялъ старикъ моченое лыко, ноги и руки лыкомъ связалъ.

— Ну, готово, теперь ведите.

Степанъ поглядѣлъ на старика.

— Прости, дѣдушка!

А старикъ будто не слышитъ.

— Прости, дѣдушка!

Старикъ нахмурился.

— Прости меня!—въ третій разъ сказалъ Степанъ.

Поднялъ посохъ старикъ...

— Не прощу!

И пошелъ такой строгій, не простой, бѣлый странникъ, не оглянувшись, пошелъ по дорогѣ туда, гдѣ тихо поля родныя разстилаются и лѣсъ нагрозился.

*Милостивый нашъ Никола,
гдѣ бы Ты ни былъ, явись къ намъ!
Скажи Спасу о нашей тяжелой страдѣ,
умири ильинскій огонь,
заступи, защити русскую землю!
Благослови русскій народъ великимъ благословеніемъ своимъ
на новую грядущую жизнь.*

ПРИМЪЧАНІЯ.

Николины притчи основаны на народных сказаніяхъ, сказкахъ, быличкахъ о Николѣ Угодникѣ, для чего пользовался я сказками и легендами А. Н. Афанасьева, Русскія народныя сказки, подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Изд. Т-ва И. Д. Сытина, М. 1914, Народныя русскія легенды. Изд. Соврем. Проблемы, М. 1914, духовнымъ стихомъ о Николѣ изъ книги П. А. Безсонова, Калики переходящіе, М. 1861, вып. 3, сочиненіемъ Е. В. Аничкова, Никола Угодникъ и св. Николай, Зап. Неофилологич. Общ., СПб. 1892, и сборниками—самарскимъ, сѣвернымъ, пермскимъ, бѣлозерскимъ: Д. Н. Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣл. этногр., XII т. СПб. 1884, Н. Е. Ончуковъ, Сѣверныя сказки, Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣл. этногр., XXXIII т. СПб. 1908, Д. К. Зеленинъ, Великорус. сказки Пермс. губ., Зап. Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣл. этногр. XLI т. II гр. 1914. Борисъ и Юрій Соколовы, Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. Изд. Отдѣл. Рус. Яз. и Словесн. Имп. Акад. Н. 1915; псковскою легендою, запис. Н. Г. Козыревымъ, Живая Старина, II гр. 1912, вып. II—IV, рязанскими сказками с. Константинова, переданными мнѣ поэтомъ С. А. Есенинымъ, и устюжской сказкой г. Лальска, запис. двоюроднымъ братомъ поэта А. А. Кондратьева.

	Годъ напи- сания.	№	Годъ напе- чата- ния.	№
Глухая тропочка	1914	{ Сад. 89. Сок. 100.	1915 Нива.	1
Доля.	1915	Аө. 172 (Сказ.).	1915 Рѣчь.	336
За родину.	1915	Сад. 110.	1915 Бирж. Вѣд.	14586
Задача.	1915	Онч. 173.	1915 Рѣчь.	336
Заря перегорѣлая.	1914	Сад. 90.	1915 Нива.	1
Заяць съѣлъ.	1915	{ Сад. 89. Аө. 5.	1915 Нива.	1
Каленые червонцы.	1915	Рязанс. г.	1915 День.	336
Никола вѣрный.	1915	{ Сок. 38. 77. Зелен. 29. Онч. 281.	1915 Аргусь.	11
Никола милостивый.	1915	Аө. 3 (Лег.).	1916 Приазов. Край.	96
Никола ночлежникъ.	1916	Сок. 117.	1916 Рѣчь.	
Никола—судя.	1915	Сок. 8.	1915 Голось.	1
Никола угодникъ.	1907	Безс. 130.	1907 Голось Москвы.	298
Никола чудотворецъ.	1915	Зелен. 4.	1906 Страла.	1
Николинъ даръ.	1914	{ Сад. 91. Аө. 10 (Сказ.).	1914 Бирж. Вѣд.	14538
Николинъ завѣтъ.	1914	Э. О. 1891. XI.	1914 Отечество.	5
Николинъ огонь.	1915	Ж. С. 1912 II-IV №8.	1915 Огонекъ.	49
Николина порука.	1915	Зелен. 36.	1915 Бирж. Вѣд.	15253
Николино письмо.	1916	Сок. 118.	Бирж. Вѣд.	16004
Николино стремя.	1915	Сок. 9, 116.	1916 Ежемѣсяч. журн.	2
Николина сумка.	1915	Сок. 43.	1915 Петроград. Газета.	281
Николинъ умологъ.	1915	Рязанс. г.	1915 Рѣчь.	336
Ремезъ-птица.	1913	Вологодск. г.	1914 Грифъ 1913 г.	
Свѣча воровка.	1915	{ Рязанс. г. Аө. 246 (Сказ.).	1915 Рѣчь.	336
Сметана.	1915	Онч. 41.	1916 Ежемѣсяч. журн.	2

I. Газеты: „Биржевыя Вѣдомости“, Пгр., „Голось“, Пгр., „Голось Москвы“, М., „День“, Пгр., „Петроградская Газета“, Пгр., „Приазовскій край“, Р. н. Д., „Рѣчь“, Пгр.

II. Журналы: „Аргусь“, Пгр. „Ежемѣсячный Журналь“ (Виктора Сергѣевича Миролюбова), Пгр., „Нива“ (приложенія), Пгр., „Огонекъ“, Пгр.

III. Сборникъ: „Грифъ“ (юбилейный 1903—1913), М., „Страда“, Пгр.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Никола Угодникъ	9
Николинъ завѣтъ	14
Николинъ даръ	16
Николина сумка	21
Николинъ огонь	26
Николинъ умолотъ	28
Николина порука	30
Николино стремя	34
Николино письмо	37
Никола почлѣжникъ	47
Никола вѣрный	52
Никола милостивый	63
Никола судія	68
Никола чудотворецъ	74
Свѣча воровская	91
Каленые червонцы	93
Ремезъ-птица	96
Задача	97
Заря перегорѣлая	100
Глухая тропочка	102
Заяцъ съѣлъ	104
Сметана	109
Доля	112
За родину	114
Милостивый нашъ Никола	119
Примѣчанія	121
Содержаніе	125